

Иллюстрированный
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ

№ 10

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модч. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 дис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Выданъ 5 марта 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другие города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особая приложение при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

 Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ д. № 9

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1883 г., съ 18 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 25 выкройками въ натуральную величину и 14 рисунк. вышивальныхъ, ажурныхъ работъ.

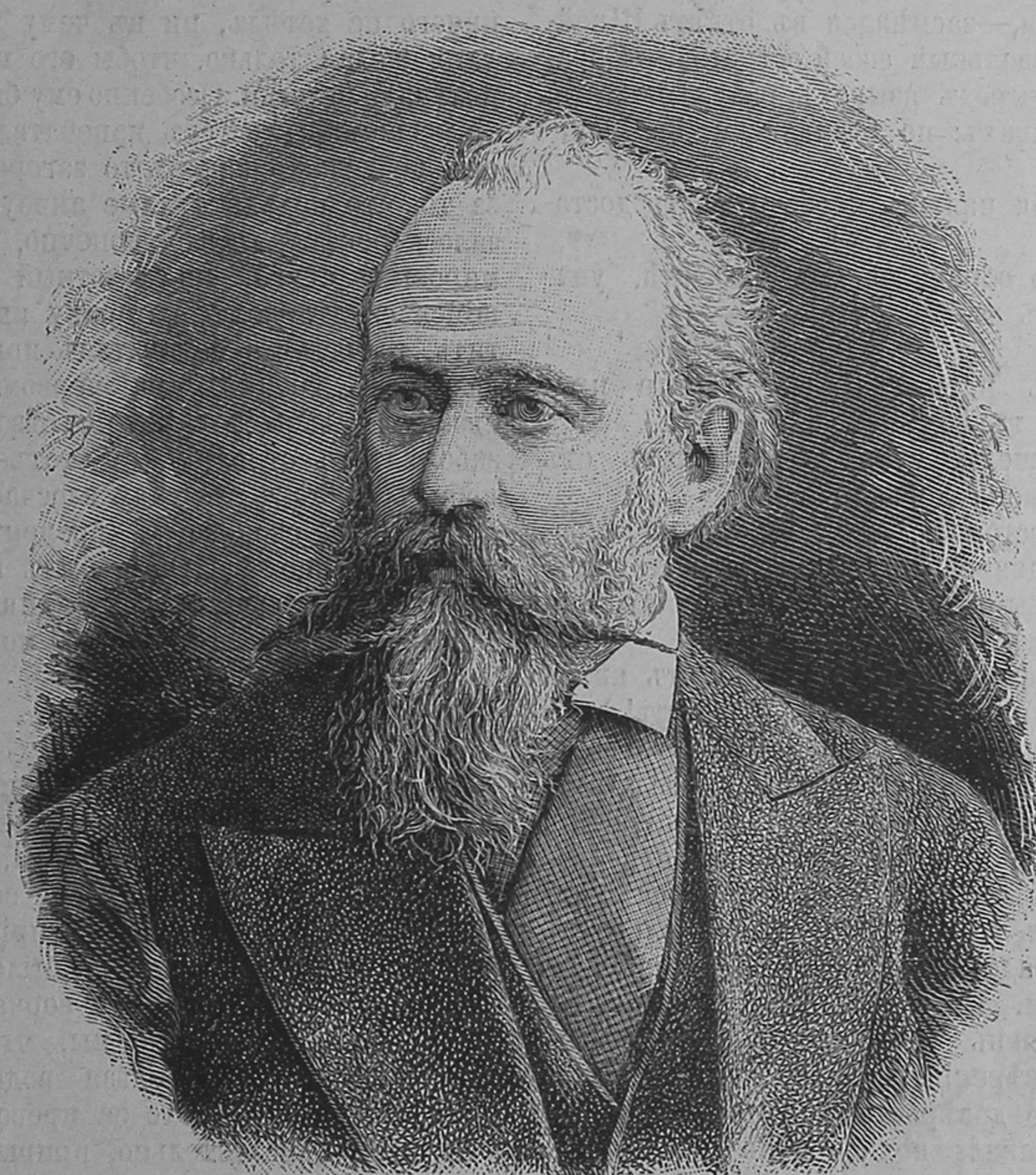
А. О. Шарлемань.

Имя А. Шарлемань уже более четверти вѣка известно знатокамъ отечественного искусства. Жанристъ и баталистъ, онъ въ тоже время превосходный рисовальщикъ, обладающій вкусомъ, изяществомъ и безукоризненно правильнымъ карандашемъ. Собственно говоря, въ карандашныхъ и акварельныхъ рисункахъ онъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ живописи масляными красками. Мы не знаемъ, кто бы кромѣ Зичи могъ конкурировать въ строгомъ вкусѣ формъ и пятна съ карандашемъ Шарлемана.

Адольфъ Осиповичъ Боде-Шарлемань (Adolphe Joseph Baudet — Charlemagne) — уроженецъ Петербурга. Получивъ первое образование въ Петропавловской немецкой школѣ, онъ поступилъ въ годъ своего совершенолѣтія (въ 1847 году), въ Академію Художествъ. Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ ученики профессора Виллевальда, по классу батальной живописи, и

чрезъ шесть лѣтъ былъ удостоенъ малой золотой медали за картину „Дѣло при Карлбургѣ“ во время Венгерской кампании. Въ 1855 году онъ конкурировалъ на первую медаль и получивъ ее за композицію „Суворовъ на С. Готардѣ“, былъ отправленъ на счетъ государства заграницу. Проживая тамъ, то въ Мюнхенѣ, то въ Парижѣ, онъ занялся картиной „Послѣдній nochleg Суворова въ Швейцаріи въ 1799 году.“ — Картина эту онъ прислалъ въ Петербургъ, и былъ признанъ за нее академикомъ. Проживъ на западѣ свои шесть лѣтъ пенсионерства, онъ въ 1861 году воротился въ Россію, и въ 1867 году написалъ новую картину „Екатерина II въ мастерской Фальконета“ — получилъ профессорское званіе. Затѣмъ получивши мѣсто придворного художника, онъ почти оставилъ живопись и занялся мелкими акварелями, которыя онъ, какъ сказано выше, выполняетъ превосходно.

„Екатерина у Фальконета“ составляетъ собственность Государя

Профессоръ А. О. Шарлемань. Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

Императора. Академія обладаетъ только однимъ плафономъ въ залѣ бюстовъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Генкель, въ своемъ журналѣ, помѣстилъ рядъ гравюръ на стали съ рисун-

ковъ Шарлеманя на сюжеты изъ русской исторіи. Гравюры эти пользуются очень значительной популярностью, и между ними найдутся дѣйствительно очень хорошия вещи.

На морскомъ берегу.

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

V.

Не смотря на то, что князекъ принадлежалъ къ числу отставныхъ жрецовъ Марса, паденіе и выстрѣль его оглушили порядкомъ, и онъ долго не могъ оправиться, когда мы зашагали съ нимъ обратно по направлению къ городу. Насъ обогналъ уже у самаго вѣзда Шнейдеръ,—онъ уѣхалъ въ коляскѣ съ дамами, сидя бочкомъ на узенькой передней скамейкѣ, и посыпая намъ воздушные поцѣлую ручкой.

Когда мы пришли въ гостинницу, онъ былъ уже тамъ, и ждалъ насъ.

— Съ вами всенепремѣнно желаетъ познакомиться семейство Роговыхъ,—заговорилъ онъ, съ восторгомъ пожимая наши руки.

— Какихъ Роговыхъ? изумились мы.

— А этой-же дамы, съ которой яѣхалъ;—видали какова дочка? На щечкахъ ямки, глаза, съ позволенія сказать, какъ молнія. Тѣ есть мое старинное знакомство,—имъ очень скучно, и они меня покорнѣйше просили, чтобы я попросилъ васъ поскучать съ ними вмѣстѣ. Я сказалъ, что привезу васъ сегодня вечеромъ...

— Напрасно, я не пойду,—вразбрѣлъ я.

— Зачѣмъ?

— Да затѣмъ, что я завтра чѣмъ свѣтъ єду въ Бахчисарай, и потому ложусь въ девять часовъ спать.

— Оставьте, потомъ сѣѣздите.

— Нѣтъ,—ужъ я такъ разсчиталъ, что завтра надоѣхать, ну и пойду...

— От-то, какой! Ну, вотъ князь пойдетъ.

— Да, дочка-то хорошенькая? прищурился онъ.

— Венера таврическая,—засмѣялся въ отвѣтъ Шнейдеръ, очевидно очень довольный своей остротой.—Образованная дѣвица, на четырехъ языкахъ разумѣетъ... да нѣтъ-же,—на шести языкахъ: по итальянски, по польски, по англійски...

И онъ началъ, загибая пальцы, пересчитывать достоинства дѣвицы.

— Вы куда? внезапно обратился онъ ко мнѣ, увидѣвъ, что я направляюсь къ двери.

— Купаться.

— А! такъ и мы-жъ идемъ! Князь, берите простиныку, покуыркаемся въ водѣ!

Я не оглядываясь пошелъ, чуть не побѣжалъ отъ нихъ. У купальни они меня догнали.

— Тутъ надо быть осторожнѣе,—таинственно говорилъ намъ Шнейдеръ: деньги того и гляди вытащатъ, пока въ водѣ сидишь. Вы лучше оставьте бумажники въ кассѣ. Дайте я отдамъ кассирку.

Но я ему не далъ. Онъ взялъ бумажникъ отъ князя и отнесъ въ кассу.—Экая роскошь, экая прелестъ! фыркаль онъ, погружаясь по маковку въ соленую, густую воду.

— А-ахъ, какъ хорошо послѣ трудовъ праведныхъ! А-ахъ!

Я съ нетерпѣнiemъ ожидалъ часа, когда, наконецъ, они уѣдутъ. Гроденскій помѣщикъ ходилъ за мной весь день по пятамъ. А за нимъ какъ тѣнь маячился князекъ. Признаюсь, я былъ готовъ сбѣжать не только въ Бахчисарай, но даже назадъ, въ золотушный Петербургъ.

Наконецъ они уѣхали. Шнейдеръ еще разъ звалъ меня, увѣряя, что это очень образованное семейство, но я не поддался на его увѣренія. Онъ словно обидѣлся на меня: вы, дескать, не довѣряете моимъ рекомендациямъ. Но я ему предоставилъ полное право обижаться, какъ ему только будетъ угодно.

Мнѣ онъ ужасно не нравился, и главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что едва-ли онъ былъ гроденскій помѣщикъ, да еще съ двѣнадцатью тысячами дохода, какъ это онъ успѣлъ мнѣ заявить черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего знакомства. Онъ, правда, носилъ тонкое бѣлье, отличные золотые часы, и даже алмазныя запонки (это въ дорогѣ-то!), говорилъ, что у него много аристократическихъ знакомствъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ принялъ, какъ свой,—и въ тоже время мылъ руки только утромъ, єлъ рыбу ножемъ, и кидалъ спички на полъ. Меня особенно возмущало послѣднее. Это самый характерный признакъ, во первыхъ—нелюбви къ порядку и чистотѣ въ комнатѣ, а во вторыхъ,—привычки къ отсутствію подъ ногами ковровъ, на который ужъ конечно не бросишь тлѣющеся спички. Онъ кашлялъ и плевалъ гдѣ попало, рѣзалъ сыръ толстѣйшими, такъ называемыми „поповскими“ ломтями, спалъ чуть не три часа послѣ обѣда,—а главное, говорилъ, что онъ богатъ, и съ хорошими связями. Въ комнатѣ онъ у меня ужасно насынилъ, оставилъ на комодѣ стаканы изъ-подъ лимонада, стряжалъ всюду сигарный пепель, разбросалъ по столамъ гребенки съ поломанными зубцами.

Князекъ былъ несравненно сноснѣе. Пока онъ не пилъ, онъ былъ достаточно милъ, умѣренно разговорчивъ, и въ концѣ-концовъ самъ отлично сознавалъ свои недостатки. Я понялъ, почему пассажиры не составляли протокола, и не высадили его гдѣ нибудь въ татарской деревушкѣ: онъ былъ слишкомъ хорошій малый для этого. Онъ чувствовалъ, что жизнь у него давно выбилась изъ колеи и идетъ невыносимыми толчками. Онъ ничего не хотѣлъ, ни къ чему не стремился, всѣми силами желая только, чтобы его невольные скандалы не получали огласки. Особенно ему было обидно, когда како-то московскій листокъ напечаталъ исторію о томъ, какъ онъ побилъ въ какомъ-то загородномъ саду буфетчика за то, что подали тухлые анчоусы, и въ буфетѣ не оказалось рокфора. Дѣло, конечно, кончилось безъ всякихъ мировыхъ судей, но газетный репортеръ, подвернувшись свидѣтелемъ, которому князекъ позабылъ заплатить, тотчасъ-же напечаталъ подробное описание скандала въ „Хроникѣ“ на первомъ мѣстѣ, назвавъ его „возмутительнымъ самоуправствомъ.“—Князекъ едва не заболѣлъ съ отчаянія, въ тотъ-же вечеръ напился, и побилъ въ томъ же саду злосчастнаго репортера, за что и отсидѣлъ сколько то времени въ заключеніи.

Я, во всякомъ случаѣ, былъ въ восторгѣ отъ мысли, что завтра большую часть дня я проведу одинъ, въ осмотрѣ Бахчисарай, но увы! моимъ надеждамъ не суждено было сбыться...

VI.

Въ три часа ночи явились мои сожители, оба навеселѣ, и объявили, что они тоже єдутъ въ Бахчисарай, и Роговы,—и мамаша, и дочка,—тоже. Князекъ былъ очень доволенъ знакомствомъ, восхищался Стасей (такъ звали дочку), говорилъ, что пріятно время проводить, и все сожалѣлъ, что меня не было. Шнейдеръ все прикидывался обиженнымъ, и ворчалъ про себя:

— Господи, поганые мы, что-ли, какие, что и знакомства-то съ нами нельзѧ водить. Вотъ сѣѣздите съ нами, увидите, что это за превосходные люди.

И мнѣ, дѣйствительно, пришлось побѣжать, пришлось увидѣть, что это за превосходные люди.

Рано утромъ мы были на дебаркадерѣ. Роговы были уже тамъ. Мамаша вблизи имѣла совсѣмъ непозволительную физіономію: толстый носъ грушей, маленькие, заплывшіе жиромъ глазки, животная толстая губы, двойной подбородокъ, и на лѣвой щекѣ бородавка съ кустикомъ сѣдыхъ волосъ. Чесалась она пренахально, про борѣ съ боку, гребенка тоже на боку. Одѣта была какой то расpusкнѣй, безъ корсета,—руки въ заштопанныхъ матенкахъ. За то дочка была и въ правду интересна. Продолговатое болѣзньенное лицо; сама стройная, гибкая, съ волнами волосъ по плечамъ,—ну ни дать ни взять портретъ молоденькой англичанки, которыхъ сотнями художники пишутъ въ Лондонѣ и Парижѣ ежегодно. Мамаша меня чуть не приняла въ объятія.

— Вы насъ избѣгаєте, а мы насилино навязываемся къ вамъ въ знакомство. Августа Павловна Рогова,—она чуть не присѣла, и улыбаясь показала два ряда черныхъ, гнилыхъ зубовъ.—Моя дочь, Настя.

Настя протянула мнѣ руку и пожала нѣсколько крѣпко для дѣвицы.

— Ужасно рада, что наше знакомство совершаєтся при такой поэтической обстановкѣ,—продолжала трещать мамаша. Ужасно рада.

— То есть какая же поэтическая обстановка? возразилъ я, оглядываясь на туки и чемоданы, которыми былъ переполненъ вокзалъ, и принюхиваясь къ запаху кожи, дыма и масла, которымъ былъ насыщенъ воздухъ...

— А какъ-же,—фонтанъ слезъ! восторженно отвѣтила она, даже слегка припрыгнувъ на пяткахъ. Фонтанъ воспѣтый Пушкинымъ.

Опасаясь, чтобы она не вздумала декламировать при кондукторахъ стихи, я предложилъ взять билеты. Она вынула грязную десятирублевку, и попросила—нѣсколько въ носъ—взять для нея и для дочери два билета первого класса.

Когда мы помѣстились на грязныхъ, переполненныхъ паразитами бархатныхъ подушкахъ, м-ме Рогова обязательно усѣлась противъ меня, очевидно съ цѣлью занимать. Князекъ расположился на отдѣльномъ диванѣ рядомъ со Стасей, а Шнейдеръ какъ ввалился въ вагонъ, такъ и захрапѣлъ.

— Мы путешествуемъ съ дочерью, повѣствовала Августа Павловна,—но Боже мой, какая скуча! Мы объѣхали Кавказъ и Крымъ, теперь ёдемъ въ Варшаву,—мы тамъ живемъ постоянно. Стасю очень развлекло путешествіе, но меня оно только утомило. Все это мною видано, да и перевидано. Я столько лѣтъ жила въ Парижѣ и въ Италии, что право эти Пятигорски и Ялты меня не интересуютъ. Стася веселилась очень. Былъ домашній спектакль; она играла главную роль съ громаднымъ успѣхомъ, я была рада за нее. Теперь я стремлюсь домой, хочу отдохнуть. Но вотъ теперь мнѣ представился случай увидеть фонтанъ слезъ, и я не могу не воспользоваться. Я такая почитательница стиховъ...

Я больше смотрѣлъ въ окно, старался молчать...

— Ахъ, это кажется Инкерманъ, волновалась она.—Стася, Стася, смотри—вотъ Инкерманъ. Это пещеры, въ которыхъ жили генуэзскіе монахи, во время владычества римской имперіи. Здѣсь они отстрѣливались отъ скиѳовъ,—помнішь, мы все это читали въ указателѣ по Крыму. Я всегда готовлюсь къ путешествію,—продолжала она,—и набираюсь тѣми свѣдѣніями, которыхъ не даетъ образованіе. Что же дѣлать — весь вѣкъ приходится учиться. Весь вѣкъ стараешься совершенствовать. Прогрессъ такъ свойствененъ человѣчеству...

Все это говорила она залпомъ, словно стрѣляла изъ картечины. Она размахивала руками, сопѣла носомъ, и буквально обливалась отъ жара.

— Я сочувствую прогрессу, я не могу не сочувствовать,—волновалась она, ерзая на диванѣ,—вы знаете,

я вѣдь красная, совсѣмъ красная! Меня даже нашъ поліціймейстеръ въ шутку всегда называлъ „спеціалисткой“,—ахъ, говоритъ, вы „спеціалистка?“... Вы знаете, я даже была знакома съ...

Она таинственно наклонилась ко мнѣ и сказала какую-то фамилію.

— Это кто-же такой?

Она всплеснула руками.—Вы не знаете, кто это? вы? Да это святотатство, вы, извините меня,—алеутъ! Кто же его не знаетъ. Онъ теперь всѣмъ воротитъ въ Лондонѣ. Прежде жилъ въ Швейцаріи, но потомъ переселился въ Англію: знаетъ, болѣе удобенъ какъ центръ. Онъ оттуда и руководить. Это апостолъ новой вѣры. И какъ онъ говоритъ! увлекательно съ жаромъ.—Такъ, знаете и брызжетъ, и брызжетъ краснорѣчіемъ,—у насъ его самоваромъ звали... Вы знаете,—вотъ и теперь, здѣсь, у насъ есть два-три знакомыхъ изъ скрывающихся... Если зайдете къ намъ—увидите...

Въ эту минуту поѣздъ влетѣлъ въ туннель, сразу сдѣлалось темно, хоть глазъ выколи. Слышно было только глухое рокотаніе колесъ, да въ открытые окна рвался ёдкий, перемѣшанный съ золою дымъ.

— Ахъ, какъ это ужасно, что здѣсь не зажигаютъ огней, продолжала м-ме Рогова.—Каково дамѣ, одинокой, безъ кавалера въ такой тѣмнѣ! Вѣдь это ужасъ что такое. Такой тѣмы я еще никогда не видывала... И какъ длинно это... Знаете,—вотъ я думаю, въ адѣ совершенно также.

Понемногу въ вагоны стали пробиваться отдаленные голубоватые проблески дневнаго свѣта, стало возможнымъ различать контуры грузной фигуры моей собесѣдницы. Потомъ выдѣлился носъ, бородавка съ кустикомъ. Глаза долго не хотѣли вырисовываться, и выяснились уже на полномъ свѣту.

Отъ рѣзкаго перехода отъ густаго мрака къ яркому южному солнцу и блеску роскошной крымской природы, стало даже больно въ глазахъ. Шнейдеръ хралѣлъ по прежнему;—но у князя со Стасей что-то случилось. Она сконфуженная, красная пересѣла на диванъ къ матери, а онъ отвернувшись разглядывалъ что-то на горизонтѣ... Мать не обратила на это ни малѣйшаго вниманія, хотя посмотрѣла и на дочь, и на князя.

VII.

Узкія, грязныя улицы Бахчисарайя, кипѣли народомъ. Старыя балюстрады и балконы нависали со всѣхъ сторонъ надъ нами. Пестрые халаты, желтые туфли, фески, чалмы,—все это ужасно не гармонировало съ нашими колясками, платьями и пенс-не. Чувствовалось то неловкое положеніе, которое долженъ испытывать актеръ, вышедший на сцену въ куцомъ сѣромъ пиджакѣ, съ папиросой въ зубахъ, вместо римской тоги, или монашеской рясы. Было какъ-то стыдно со стороны вторгаться въ совершенно чуждую намъ жизнь, мѣшать занятымъ людямъ ради какого-то совершенно празднаго и беспѣльнаго любопытства. А мы именно вторгались. Коляски наши шагомъ двигались среди дѣловаго люда, а вокругъ насъ, тутъ же, въ открытыхъ лавочкахъ, бойко шла жизнь. Тутъ мяли кожи, шили туфли, шаровары, брили головы, продавали мясо, курили трубки, пили кофе, говорили о политикѣ. На насъ, къ счастію, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Старики даже головы не поднимали при нашемъ проѣздѣ...

— Что за странная барышня,—шепнула мнѣ князь, когда мы доѣхали до ханскаго дворца, блестѣвшаго на солнцѣ вышками своихъ мечетей и минаретовъ, и вылѣзли изъ экипажей.—Я поцѣловалъ ее, когда мы въ туннель то вѣхали,—думалъ, что она мнѣ плюху закатить,—а она хоть бы что...

Онъ въ недоумѣніи пожалъ плечами, и мы пошли по гладкому, усыпанному пескомъ двору, отыскивая входъ во дворецъ и проводника. Скоро нашлось то и

другое. Шнейдеръ началъ махать руками и восторгаться. Ему вторила и во всемъ съ нимъ соглашалась т-те Рогова. Стася, напротивъ, относилась къ нему съ какимъ-то затаеннымъ недоброжелательствомъ. По ихъ отношеніямъ видно было, что они дѣйствительно очень давно знакомы, что онъ зналъ еще Стасю дѣвочкой, а потому прощалъ ейъ всѣ ея колкости и грубости. Князекъ опять сталъ ходить вокругъ нея; она смеялась съ нимъ, весело поглядывая то на него, то на меня своими темно-синими, блестящими глазками.

— Какъ хорошо здѣсь,—говорила она, когда мать и Шнейдеръ ушли настолько впередъ, что не могли ее слышать.—Я такъ давно не была загородомъ, что сегодняшняя прогулка для меня большое наслажденіе.

— Такъ вы давно уже живете здѣсь? спросилъ я.

— Месяца полтора. Ужасная скуча. Гости, что у насъ бываютъ, совсѣмъ не интересные.

— А тотъ генеральчикъ, что я у васъ вчера видѣлъ? возразилъ князь.

— Ну, что же, это стариkъ въ парикѣ, и усы у него крашеные, наивно отвѣтила дѣвочка.—Да и что же это за гость.

— Вы только что на Кавказѣ были? спросилъ я.

— Нѣтъ,—отчего вы это спрашиваете?

— Да мнѣ... началъ было я, и не кончилъ, подавленный разнообразными мыслями...

— Мы сюда прямо изъ Варшавы,—продолжала она. Мамаша все хотѣлаѣхать на Кавказъ, до вотъ пана денегъ не высылаетъ. Онъ въ Варшавѣ служить, только онъ совсѣмъ русскій. Мама не живетъ съ нимъ, но онъ выдаетъ ежемѣсячно деньги на нее и на меня. А теперь вотъ не высылаетъ, и мы въ ужасномъ положеніи.

— То есть какъ денегъ нѣть? прямо поставилъ вопросъ князекъ.—А какъ же я вчера вашей матушкѣ около ста рублей проигралъ?

— Да вѣдь вы кажется проиграли Шнейдеру?

— Тому четыреста само собой.

Стася закусила губу и нахмурилась. Лицо ея стало строго, глаза получили какой-то угрюмый блескъ, на щекахъ заигралъ румянецъ.

— Хорошо, что вы мнѣ сказали,—задумчиво проговорила она. А я и не знала.

Она замолчала, и ускорила шаги. Я догадался съ кѣмъ меня свела судьба: барыня—аферистка, не живущая со своимъ мужемъ, эксплуатирующая свою дочь подъисканіемъ жениховъ, и живущая на счетъ ихъ. Явленіе очень частое у насъ. Мнѣ захотѣлось убѣдиться, на сколько я правъ, и я рѣшилъ непремѣнно побывать у нихъ на квартире.

Мы шли по заламъ, расписаннымъ пестрымъ письмомъ какого-то суздальского маляра. Проводникъ изъ отставныхъ солдатъ, точно намъ панораму показывалъ. А вотъ, извольте посмотретьъ, въ этой комнатѣ, послѣ купанья, ханѣ доклады слушалъ, трубки покуривалъ. А здѣсь въ угловой, ханѣ своихъ женъ принималъ,—каждую поочереди,—очень хорошая комната...

„Фонтанъ слѣзъ“ не вполнѣ удовлетворилъ т-те Рогову, тѣмъ болѣе, что въ сущности никакого фонтана и не было, а просто изъ стѣны бѣжало струйка холодной, чудесной на вкусъ воды. Я успокоилъ ее тѣмъ, что когда Пушкинъ посѣтилъ Бахчисарай, тогда изъ ржавой трубки еле сочилась вода, а теперь водопроводъ исправленъ, а потому фонтанъ еще болѣе имѣеть привлекательный видъ чѣмъ прежде.

— Нѣтъ, это все не то, съ грустью замѣтила она. Я думала, что онъ въ саду, въ родѣ петергофскаго фонтана какого нибудь... А это что-же—просто стѣна.

Сады одалисокъ удовлетворили ее гораздо больше: она даже на память набрала дикихъ каштановъ. Гроденскій помѣщикъ тоже развеселился, и внезапно прошелся колесомъ по аллѣѣ, къ общему удивленію и неожиданности.

— Я вѣдь отличный гимнастъ, пояснилъ онъ,—и въ доказательство предложилъ пощупать мускулы. Каковы,—а? Я нарочно занимался много лѣтъ гимнастикой,—очень полезно.

Мы всѣ для чего-то поочереди пощупали его мускулы.

Мнѣ пришло въ голову, что его гимнастическая способность дѣйствительно должны служить ему на пользу: иначе много-бы разъ его били; по крайней мѣрѣ его физіономія такъ и напрашивалась на битье...

Онъ до того расходился, что прия на ханско кладбище началъ выдѣлывать необычайная антраша. Его даже князекъ остановилъ, найдя это неприличнымъ: все таки усыпальница царей. Но Шнейдеру было все равно: онъ былъ въ такомъ настроеніи, что не смущался-бы и въ преисподней...

VIII.

Отъ его кривляній стало невыразимо гадко. Это чудное, поэтическое кладбище, все въ розахъ, увитое стѣнами винограда, со своими бѣлокаменными монументами въ чалмахъ, дышало невыразимой прелестью. Все разрослось, сплелось, разливало вокругъ пышный ароматъ. Голубыя тѣни полосами ложились по травѣ. Мулла, отворявший намъ калитку, зло хмурился. Стася вдругъ повеселѣла, и звонко хохотала. Смѣхъ ея, ударяясь о стѣну, гулко разносился надъ мирными могилами, давно уже (а можетъ быть и никогда) не видавшими такого веселья.

— Здѣсь-бы хорошо пообѣдать,—сообразилъ князекъ. Одинъ изъ саркофаговъ вмѣсто стола,—прекрасно...

— О, какъ вы прозаичны,—затянула т-те Рогова: среди такой природы, и вы остаетесь нечувствительны...

Но и она сама, кажется, гораздо болѣе говорила, чѣмъ чувствовала. На ея лицѣ такъ и было написано: а хорошо-бы пообѣдать: этакой какой нибудь бараній бокъ съ кашей. Тѣмъ не менѣе она урезонивала князя, ни дать ни взять монологъ говорила изъ французской мелодрамы.

— Терпѣніе, милый князь,—терпѣніе! Ужъ мы у насъ дома пообѣдаемъ. Нельзя такъ поддаваться страсти,—страсти губятъ человѣка. Еще нѣсколько часовъ—и мы будемъ дома. Я заказала сегодня пирогъ: знаете, нашу русскую кулебяку?! Надѣюсь,—обратилась она ко мнѣ,—вы не откажете раздѣлить съ нами нашу трапезу.

Я отвѣчалъ согласиемъ.

— Не думайте, что будетъ что нибудь особенное. Пирогъ, супъ, кефаль, дичь и мороженое...

По выспреннему тону, съ которымъ было это сказано, ясно было видно, что такое тенue у нихъ далеко не каждый день, и сегодня очевидно обѣдъ званный.

— Я, знаете, люблю, чтобы все было просто и мило, продолжала она. Я врагъ всякой роскоши и излишества. Человѣкъ нуждается только въ необходимомъ комфорѣ—небольше.

Расчитавъ нашихъ проводниковъ, причемъ мулла даже не поблагодарилъ за сунутую ему бумажку, мы вышли изъ дворцовыхъ воротъ. Рогова не безъ нѣжности оперлась мнѣ на руку.

— А что, князь, сегодня реваншъ хотите? сладко сощурясь спросилъ Шнейдеръ?

— Отчего-же нѣтъ,—равнодушно отвѣтилъ Тузлуковъ.

— Представьте, четыреста рублей вчера проигралъ,—сказалъ мнѣ гроденскій помѣщикъ,—стараясь сдѣлать изумленные глаза, для чего онъ ихъ пучилъ до невѣроятія.

— Все въ пикетъ?

— Все въ пикетъ. Можете представить, какъ ни сдамъ,—все себѣ восемь и восемнадцать. Даже стыдно мнѣ было...

— Вѣрно плохо тасуете?

Онъ отвернулся и ничего не отвѣтилъ.

попа сбиль. По математикѣ двойку получилъ, да латынь съ греческимъ вывезла. Ну, какое-же это преступленіе? Отецъ доволенъ, сынъ доволенъ, я доволенъ, начальство довольно. Аттестать лежитъ гдѣ-то въ столѣ,—а онъ на него по сту рублей въ мѣсяцъ процентовъ получаетъ. Говорятъ—уголовное преступленіе...

Сидоровъ позвонилъ ложечкой въ стаканѣ.

— Да вѣдь это кто говоритъ,—возразилъ онъ.—Постепеновцы. Ёздятъ по свѣту, да сентиментъ разводятъ.

— Стиллисты! смѣясь сказалъ князь, вспоминая свое московское наименование.

— Стиллисты! спокойно подтверждалъ Сидоровъ и обвелъ глазами комнату: ахъ, господа, какое бы было для міра благодѣяніе, если бы всѣхъ вѣсъ вздернули на осину...

Донъ-Ледро Кастильскій.

Исторический рассказъ Э. Шпильмана.

Въ горахъ гудѣлъ сильный, бурный вѣтеръ, ночь спускалась на землю.

— Впередъ! впередъ! стариkъ мой! произнесъ, обращаясь къ коню, котораго велъ подъ уздцы,—высокий широкоплечий мужчина, въ богатомъ охотничемъ костюмѣ, сильно испорченномъ непогодой, кое-гдѣ разорванномъ колючими растеніями;—впередъ! нечего дѣлать, намъ надо торопиться, чтобы найти убежище на ночь, потому что на этой проклятой каменной дорогѣ, куда сатана стащилъ самые острые камни со всей Сиerra-Ронда, неудобно было бы сдѣлать привалъ; ты съ этимъ согласенъ? а? развѣ неѣ?

Лошадь—великолѣпный андалузскій жеребецъ, роскошно одѣянный и убранный—жалобно заржалъ, будто понявъ слова своего господина.

— Пресвятая Богородица! проговорилъ снова неизвѣстный—мнѣ, хоть бы угадать, какъ-нибудь—гдѣ, это, я! Остановившись, онъ оперся на охотничій дротикъ и сталъ внимательно прислушиваться.

— Ничего, сказалъ онъ, минуту спустя,—ничего, кроме вѣтра, старый мой, ни звука рога, ни голосовъ, которые искали бы, или звали! Впередъ же! намъ приходится разсчитывать только на себя самихъ; вѣдь, куда нибудь ведетъ же эта тропа, не прямо-же въ адъ, пока! Впередъ! и да защитить насъ Владычица!

Человѣкъ и лошадь прошли еще съ часомъ времени, спотыкаясь и зацепляясь на каждомъ шагу.

Впереди ихъ послышался шумъ воды.

— Вода! проговорилъ охотникъ и остановился;—что это—Ксениль или рукавъ Гвадалквири. Да и если я буду знать—такъ къ чему мнѣ это послужить въ эту минуту? Но—вонъ тамъ, какъ будто огонекъ?

Лошадь подняла голову вверхъ и весело заржала.

— А—чуешь людей? Ну, попытайся кликнуть ихъ сюда! И, приложивъ къ губамъ висѣвшій у него съ боку оправленный въ золото и драгоценныя каменяя буйволовыи рогъ, онъ началъ трубить въ него изо всѣхъ силъ.

Вскорѣ, въ отдаленіи, огонекъ, замѣченный путникомъ, за-двигался изъ стороны въ сторону и, въ отвѣтъ, раздался громкій, рѣзкій звукъ большаго пастушескаго рога.

— Приношу Тебѣ, Милосердная Заступница благодареніе, за помощь!

По ту сторону теперь двигались два факела.

— Можжевеловые факелы, произнесъ заблудившійся;—вижу по пламени; это, вѣроятно, пастухи; можетъ быть, и самъ какой-нибудь владѣлецъ маленькаго стада; ну, онъ меня, конечно, не знаетъ!

Факелы все болѣе и болѣе приближались и путникъ протру-билъ снова, чтобы показать, гдѣ онъ находился.

— Кто вы и зачѣмъ трубите? крикнули ему съ той стороны.

— Я заблудился на охотѣ и разошелся съ моими товари-щами. Непогода и ночь застигли меня въ горахъ; я не знаю—куда попалъ; это—не Ксениль, вонъ та вода, что шумить?

— Неѣ, то рукавъ Гвадалквири.

— Дадите ли мнѣ, съ лошадью, пріютъ на ночь?

— Охотно! мой шалашъ—къ вашимъ услугамъ.

— Но какъ я черезъ рѣку-то переправлюсь? Лошадь моя измучена и ужъ давно не можетъ служить; я не рѣшусь плыть на ней, тѣмъ болѣе, въ такую темноту; да и берегъ, мнѣ кажется, тутъ очень круть.

— Протрубите-ка еще, чтобы я хорошоенько зналъ—гдѣ вы стоите.

— Хорошо! послышалось опять оттуда-же, теперь—сдѣлайте нѣсколько шаговъ впередъ, къ самому берегу, а потомъ круто поверните влево и идите дальше, по тому направленію, по которому двигаются факелы; вы придите къ броду, гдѣ вода будеть вашему коню едва по брюхо.

— И вѣсъ въ томъ числѣ,—безпокойно спросилъ генераль.

Сидоровъ подумалъ.—Что-жъ, если заслуживаю, такъ пожалуй и меня,—согласился онъ.—Я отнюдь не прочь.

Генераль его поздравилъ, иронически распаркиваясь, и вдругъ объявилъ, что ему пора домой. Его стали удерживать.

Между тѣмъ карточный столъ устроился. Князекъ опять усѣлся въ пикетъ и при томъ очень по большой. Подали шампанскаго. Всѣ выпили,—князя тоже начали просить выпить, онъ отказывался, говоря, что пить чай съ фин-шампань, и ничего болѣе не хочетъ. Но его все таки заставили.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Донъ-Ледро Кастильскій.

Исторический рассказъ Э. Шпильмана.

— Я вамъ говорю, что моя лошадь устала чрезвычайно, спо-тыкается каждую минуту и я не рѣшусь сѣсть на нее.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется промочить себѣ ноги! но, въ „каза“ (хижины) есть сухое платье; ну—смѣло, на собственныхъ ногахъ! соберитесь съ послѣдними силами! Впередъ! не трусьте, не мѣшкайте, спускайтесь противъ того мѣста, гдѣ мы стоимъ съ факелами и идите прямо къ намъ; лошадь держите не за поводъ, а за чолку, ей легче такъ двигаться.

Найдя бродъ, человѣкъ и лошадь безпрепятственно и благополучно перешли рѣку.

— Хорошо! произнесъ одинъ изъ ожидавшихъ на томъ берегу и освѣтилъ заблудившагося факеломъ:—хорошо, сеннаръ кабаллеро; теперь предоставьте своего коня моему слугѣ, за уходъ—отвѣчаю вамъ, а мы съ вами—поспѣшимъ.

Они скоро достигли хижинъ; пламя горѣвшихъ на очагѣ вѣтвей можжевельника весело привѣтствовало утомленного охотника.

Теперь, при яркомъ освѣщеніи очага, хозяинъ убѣдился въ томъ, что ему показалось на берегу, а именно—что заблудившійся былъ знатное лицо.

Онъ увидалъ это и по роскошной его одеждѣ, осыпанной драгоценными каменяя рогу, богатымъ ножнамъ охотничьяго ножа, увидѣлъ это въ особенности, по гордой осанкѣ не-знакомца.

— Сеннаръ кабаллеро, привѣтствуя васъ въ моемъ домѣ и прошу считать его своимъ! сказалъ хозяинъ.—Мадрэ, нинна! обратился онъ затѣмъ къ женѣ и дочери, которая, пока ея мать приблизилась съ поклономъ къ гостю—скромно оставалась въ углу, съ любопытствомъ разглядывая оттуда новоприбывшаго,—мать! дочь! прежде всего—сухое платье нашему гостю! Вамъ, сеннаръ кабаллеро, будетъ непріятно надѣть грубый камзолъ и простые шерстяные чулки, но когда они сухи—ими не слѣдуетъ пренебрегать тому, кто промокъ до костей; кстати и ваше собственное платье, въ какой нибудь часъ успѣть просохнуть у очага, а мадрэ и нинна—какъ это женщины вообще умѣютъ—завтра подадутъ его вамъ совершенно вычищеннымъ.

Охотникъ засмѣялся.

— Ваша дочь? спросилъ онъ, бросивъ взглядъ на дѣвушку.

— Моя дочь, сеннаръ, наше единственное дитя; во святомъ крещеніи нарѣчена Аделаидой.

— Ну, если Богъ не далъ вамъ сына и наслѣдника, то пошлѣтъ вамъ скоро зятя! Какъ на этотъ счетъ, Аделаида?

И приблизившись къ молодой дѣвушкѣ, охотникъ нѣжно и осторожно приподнялъ ея головку.

Смуглыя щечки Аделаиды покрылись густой краской; наивнымъ взглядомъ отвѣтили пламенные черные глаза ея взгляду охотника и она, съ какими-то странными въ ней достоинствомъ и непринужденностью возразила ему:

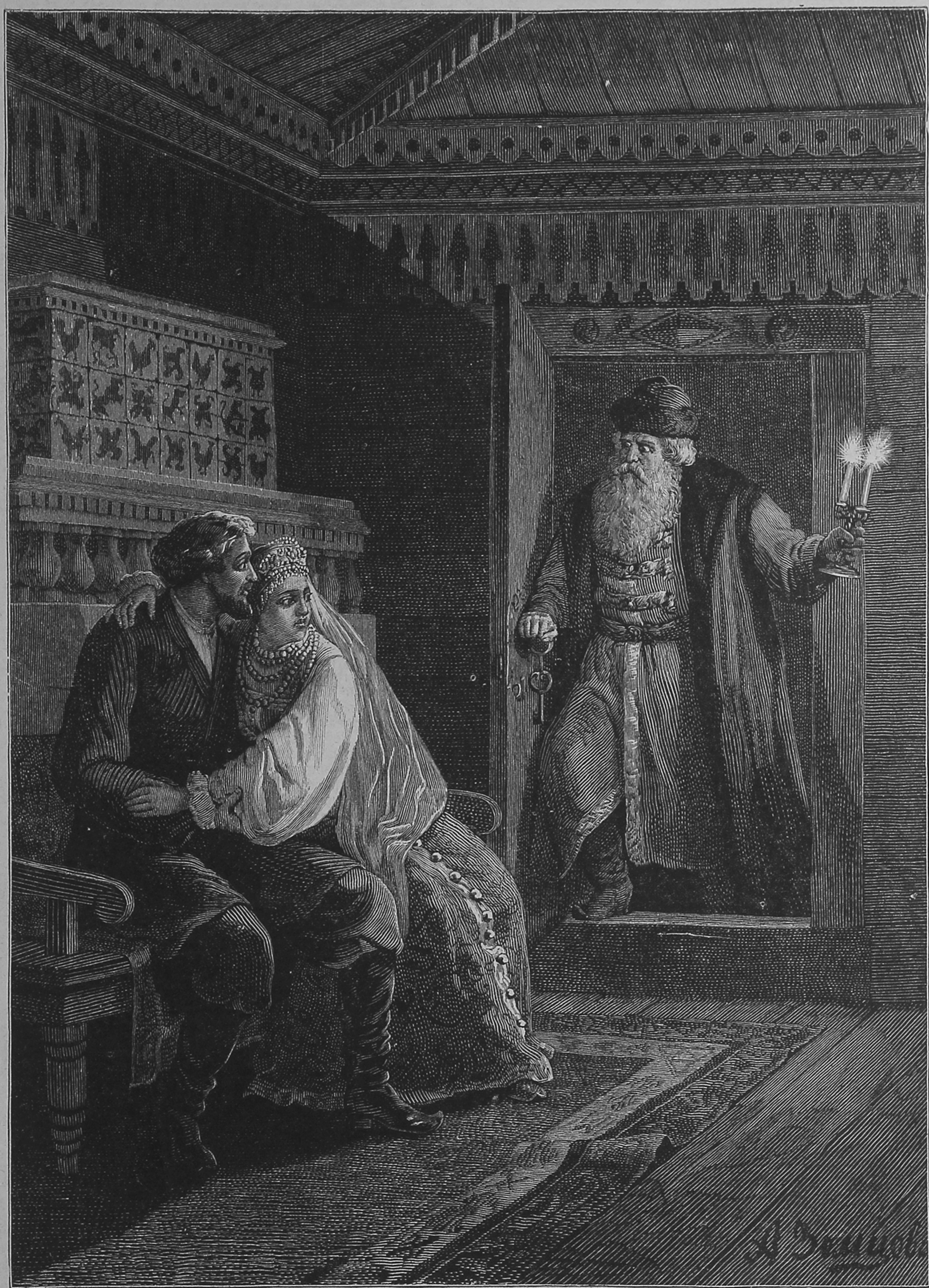
— Но мнѣ, вѣдь, всего четырнадцать лѣтъ, сеннаръ!

— Совсѣмъ пора за свадьбу, значитъ! сказалъ на это охотникъ, продолжая шутить.

Въ эту минуту, снаружи, у рѣшетчатаго окошка раздалось рѣзкое, звонкое чирканье стрекозы; оно было такъ сильно и пронзительно, что проникло въ комнату, не взирая на шумъ, съ которымъ вѣтеръ рвалъ и гнулъ верхушки деревьевъ, стоявшихъ вокругъ домика.

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ только Аделаида обратила вниманіе на странное чирканіе и взглянула на устремленія къ окошку. Тамъ она увидѣла два блестѣвшихъ глаза и снова яркимъ румянцемъ вспыхнули щечки дѣвушки.

Но, если въ ту минуту, когда незнакомецъ дотронулъся до ея лица, оно не утратило своего свѣтлаго выраженія, то теперь—разлившись по ея чертамъ краска—была краской гнѣва, грозно сверкнувшаго въ ея глубокихъ очахъ, смотрѣвшихъ въ окошко; брови сдвинулись, губки скжались.

Литературный альбомъ. „Бояринъ Орша“, поэма М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Дзедзицъ.

Блестящие глаза исчезли и вскорѣ снова, нѣсколько разъ подъ рядъ, повторилось пронзительное чирканіе стрекозы.

— Сухое платье готово, сеннаръ! сказалъ хозяинъ; — не угодно ли вамъ пройти въ мою комнату переодѣться и позвольте мнѣ прислужить вамъ.

Гость изъявилъ на это согласіе, что послужило хозяину новой примѣтой знатности незнакомаго господина, призывающаго, чтобы ему услуживали.

Когда оба возвратились назадъ, на столѣ у очага ужъ былъ накрытъ ужинъ, состоявшій изъ молока, овечьей ветчины, мяса дикой козы, сыра, меда и вина.

— Присядьте, сеннаръ, откушайте и да будетъ вамъ эта пища на здоровье, съ благословенія Пресвятой Богородицы.

— Аминь! произнесъ незнакомецъ, сѣль къ ужину и — на этотъ разъ, какъ всегда — голодъ былъ лучшимъ поваромъ.

За ужиномъ хозяинъ снова прислуживалъ незнакомцу, что тотъ молча принималъ какъ должное.

— Ну, а какъ-же мнѣ именовать моего гостепріимнаго хозяина? спросилъ охотникъ по окончаніи ужина.

— Если хотите, то: сеннаромъ и гидалго, возразилъ хозяинъ, такъ какъ я — дворянинъ, но въ сущности — не болѣе какъ незначительный скотоводъ, живущій до ходомъ съ своего про мысла; меня зовутъ Санхо Церборо, но если я, въ свою очередь, не спрашиваю вашего имени и званія, то, сеннаръ кабаллеро, въ этомъ поступаю согласно нашему старому, добруму обычая, запрещающему намъ беспокоить гостя о его прозвищѣ, титлахъ, отечествѣ и цѣли путешествія.

— Я знаю этотъ добрый обычай, уважаю и хвалю его, по скажите мнѣ пожалуйста, далеко ли отсюда до Севильи?

— Да тому, кому известны всѣ ходы и выходы въ Рандѣ — не далѣе пяти легуасъ (мили).

— Неужели только? А мнѣ все таки кажется, что это еще довольно большой конецъ.

— Ну, если ваша лопадь хорошенко отдохнетъ, такъ доведеть васъ часа въ три; благородный конь у васъ? Я увидалъ это при первомъ же взглядѣ! Къ утру совсѣмъ будетъ свѣжъ опять; онъ утомился не отъ усталости, а скорѣй оттого, что себѣ кошто поранилъ; но у моего слуги есть отличное средство.

— Благодарю васъ, донъ Санхо, скажите, однако, бываете ли вы иногда въ Севильѣ?

— Довольно часто; я тамъ продаю мой скотъ и продукты; по всегда тороплюсь оттуда скорѣе домой.

— Чего же боитесь вы ночью въ Севильѣ? вы, вѣдь, кажетесь не изъ трусливыхъ.

— Нѣть, не изъ трусливыхъ, сеннаръ кабаллеро! Но разѣ вы не слыхали и не испытывали на себѣ, что по ночамъ на улицахъ въ Севильѣ никто не можетъ быть обеспеченъ ни въ своей собственности, ни въ своей жизни? Не слыхали, что тамъ безнаказанно обираютъ, грабятъ и убиваютъ?

— Объ этомъ я никогда ничего не слыхалъ, возразилъ незнакомецъ.

— Santa Madre! Ну, такъ выйдите тамъ на улицу, спросите первого встрѣчнаго и узнаете, что воровство, грабежи и убийства — самая обыденная вещь въ Севильѣ; что они тамъ происходятъ на глазахъ самого короля, что виновные никогда не бывають открыты и даже, если каждый ихъ пальцемъ укажетъ, то они остаются не наказанными, не смотря на то, что король издалъ законъ, на основаніи котораго всѣ одинаково отвѣчаютъ за свои преступленія!

— Ты увлекаешься донъ Санхо! возразилъ незнакомецъ спокойно, хотя въ его глазахъ что то сверкнуло.

— Вы устали сеннаръ кабаллеро, вамъ пора бы отдохнуть, боязливымъ тономъ произнесла хозяйка, — постель ваша ужъ готова, а ты Санхо, разѣ не видишь, что надоѣлъ кабаллеро своей болтовней? И разѣ онъ не можетъ...

Тутъ она замолчала.

— Ну, мадрэ, засмѣялся Санхо, доканчивай же что хотѣла сказать! Ты думаешьъ: разѣ не можетъ нашъ гость принадлежать къ числу дворянъ короля, которому завтра же передадѣлъ бы все, что Санхо Церборо наговорилъ ему? Ты, матушка, можешьъ, какъ женщина, воображать себѣ такія глупости; я же полагаю, что нашъ гость не отплатитъ за наше гостепріимство неблагодарностю, потому что онъ дворянинъ, а не какой нибудь сельскій писарь.

— Благодарю донъ Санхо! коротко сказалъ незнакомецъ; кончимте нашъ разговоръ, вы, значитъ, возлагаете на короля отвѣтственность за воровство, грабежи и разбои, которые, по вашимъ словамъ, совершаются въ Севильѣ каждую ночь?

— Да, сеннаръ кабаллеро.

— А разѣ вы не знаете, что открывать и судить виновныхъ составляетъ обязанность не короля, а Севильскаго губернатора, который предсѣдательствуетъ въ судѣ двадцати четырехъ?

— Знаю сеннаръ! но губернаторъ отвѣчаетъ передъ королемъ за то, что слабо выполняетъ свою обязанность.

— Ваше обвиненіе тяжело, донъ Санхо, произнесъ незнакомецъ, блеснувъ вновь глазами и съ трудомъ переводя дыханіе; и вы думаете, что губернаторъ не открываетъ тамъ, гдѣ не хотѣть открыть.

— Да, сеннаръ.

— Но вѣдь невозможно же открыть всякаго преступника.

— Какъ невозможно сеннаръ, надо только чтобы на мѣстѣ губернатора былъ человѣкъ съ головой и сердцемъ и не боялся бы выполнять законы своего государя, чтобы всѣхъ судилъ равно! Если король ему скажетъ: сеннаръ губернаторъ, вы отвѣчаете мнѣ вашей головой за спокойствіе моихъ подданныхъ, даю вамъ право наказывать виновныхъ, не разбирая; кто они! Повѣрьте мнѣ, сеннаръ кабаллеро, что тогда въ Севильѣ можно было бы ночью гулять также спокойно, какъ и днемъ.

Незнакомецъ съ минуту казался погруженнымъ въ раздумье; затѣмъ, опѣ произнесъ, съ какой то мрачною серіозностью: такъ вы убѣждены, донъ Санхо, что королю на эту должность губернатора надо только честнаго человѣка?

— Непремѣнно сеннаръ кабаллеро.

— Проведите меня къ моей постели, усталость даетъ себя чувствовать, меня клонитъ ко сну.

Хозяинъ послѣдилъ выполнить желаніе гостя.

— „Buono notte,“ сеннаръ! сказалъ Санхо Церборо раздѣвъ незнакомца, — доброй ночи, спите съ Богомъ и спокойно подъ крышей Санхо Церборо.

— „Buono notte,“ возразилъ гость, спите и вы съ Богомъ и спокойно, донъ Санхо.

II.

Непогода понемногу стихала; вѣтеръ, однако, по временамъ, все еще шумѣлъ въ верхушкахъ кедровъ, окружавшихъ домъ Санхо Церборо; изрѣдка, изъ-за тучъ, быстро несшихся по небу, выплывала луна; блеснувъ яркимъ свѣтомъ, она вновь скрывалась за набѣгавшими облаками. Природа успокоилась не раньше полуночи.

Аделаида не спала. Выйдя осторожно изъ дома, она теперь разговаривала въ тѣни кедровъ съ какимъ-то мужчиной, темные глаза и смуглое лицо котораго горѣли выражениемъ дикаго бѣшенства.

Аделаида, прелестное южное дитя, была уже сложившееся дѣвушкой, не взирая на свои четырнадцать лѣтъ. Цвѣты быстро распускаются на Севильскомъ солнцѣ.

— Кто тебѣ позволилъ сегодня вечеромъ вызывать меня, свое лицо въ окошкѣ показывать? спросила Аделаида раздраженнымъ голосомъ.

— Я хочу знать — возразилъ, тяжело дыша, собесѣдникъ Аделаиды, — кто такой этотъ человѣкъ, осмѣлившійся взять тебя за подбородокъ, говори, Аделаида, говори!

— Аделаида кому хочетъ, тому и позволяетъ брать себя за подбородокъ! гордо отвѣтила дѣвушка.

— Никто не имѣетъ права дотронуться до тебя! Никто! клянусь Святымъ Распятіемъ! Никто, кроме меня!

Она презрительно усмѣхнулась: А тебѣ кто далъ право на это, Антоніо Гернандецу?

— Карамба! не доводи меня до сумасшествія — какое право имѣю я, твой женихъ, брать тебя за подбородокъ?

— Я, Аделаида Церборо — невѣста Антоніо Гернандеца? Ты бредишь, мой милый! Если я тебѣ позволила, по обычая страны нашей, искать моей любви, — ты уже считаешь меня своею? Иди-ка, ступай отсюда, ступай къ себѣ домой!

— Нинна (дѣвушка) Аделаида! Аделаида! громкимъ отъ злобы голосомъ крикнулъ молодой человѣкъ, — тутъ же, сейчасъ, сюже минуту я хочу слышать отъ тебя, что твоё сердце, твоя любовь принадлежатъ Антоніо Гернандецу, что ты — моя дѣвушка, моя невѣста, ты будешь женой Антоніо Гернандеца!

— Ты хочешь принудить меня? принудить Аделаиду Церборо отдать тебѣ свое сердце? Ступай ты прочь! съ пренижней насмѣшкой возразила она ему, поворачиваясь, чтобы идти домой.

Любовь и ревность совершиенно овладѣли Антоніо, вывели его изъ себя; онъ схватилъ ее за руку.

— Безумный! ты смѣешь дотрогиваться до меня! и — вырвавшись изъ рукъ Антоніо, она мгновенно выхватила изъ тяжелой черной косы, маленький кинжалъ, яркой полоской блеснувший при свѣтѣ показавшейся въ это время изъ-за тучъ луны.

— Сынъ волчицы — подходи ты, думаешь — я боюсь Антоніо?

— Змѣя! прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы, и, въ свою очередь, обнаживъ навахо — ножъ, висѣвшій у него за поясомъ, кинулся на дѣвушку, безстрашно, и съ распаленными гнѣвомъ глазами, ждавшую его.

Но, въ ту же секунду, около Антоніо очутился стройный юноша, почти мальчикъ, выскочившій изъ-за кедровъ, откуда онъ видѣлъ все происходившее; съ необычайной силой, которой нельзя было предполагать въ его легкой, тонкой фигурѣ, схватилъ онъ обѣими руками Гернандеца, онѣмѣвшаго отъ ужаса, подъ вліяніемъ неожиданности нападенія.

— Хуанито! радостно воскликнула Аделаида, тотчасъ же воспользовавшись минутой и порхнувшая домой. Какъ только она скрылась, Антоніо почувствовалъ себя вновь свободнымъ, а юноша, въ два сильныхъ прыжка, исчезъ между скалами, облегавшими маленькую долину, гдѣ стоялъ домъ Санхо Церборо.

— Corpus Christi! Что это такое было? воскликнулъ взбѣшенный Антоніо, не узнавшій, въ наступившій опять темнотѣ, того, кто его держалъ. Вскорѣ, однако, онъ пришелъ въ себя.

— Милосердай Владычица! что могло случиться! проговорилъ онъ, хватаясь за голову; — Благодареніе Тебѣ, Многомилостивая, что помѣщала тому! но — мученію надо положить конецъ! завтра же переговорю съ Санхомъ.

Долго, въ своей комнатѣ, стояла Аделаида на колѣняхъ передъ иконой Богоматери, проливая горячія, горячія слезы. Такъ и заснула она тутъ же, на цыновкѣ, повторяя во снѣ: „Хуанито, мой Хуанито!“

Нѣсколько минутъ спустя, маленько рѣшетчатое окошко, высившееся немножко въ сторонѣ, фата на два отъ полу, открылось и пучекъ дикихъ розановъ упалъ на обвитыя еще четками руки спавшей.

III.

На слѣдующее утро, гость нашелъ свое платье уже совершенно высохшимъ, вычищеннымъ и лежавшимъ на скамейкѣ возлѣ постели; хозяинъ, услыхавъ, что охотникъ проснулся, тотчасъ же вошелъ къ нему, неся свѣжую воду.

— Ваша лошадь, сенаторъ кабаллера, отдохнула и совсѣмъ поправилась, какъ я вамъ вчера и говорилъ; завтракъ ужъ поданъ и если вамъ угодно, сейчасъ же послѣ тогоѣхать, то я провожу васъ часть пути, черезъ Ранду, до Севильской дороги, чтобы вамъ не плутать, а желаете еще оставаться моимъ гостемъ — вы знаете — я буду очень радъ.

— Благодарю, донъ Санхомъ, за ваше гостепріимство, отвѣчалъ незнакомецъ, — вы оказали мнѣ его какъ истинный гіадальго; если позволите, я отправлюсь въ путь тотчасъ послѣ завтрака, такъ какъ товарищи будутъ сильно беспокоиться о моемъ отсутствіи.

— Въ вашей волѣ, сенаторъ! откушайте съ благословеніемъ Пресвятой Богоматери.

Гость позавтракалъ съ отличнымъ appetитомъ, но — въ совершенномъ безмолвіи на этотъ разъ. Санхомъ, какъ вѣжливый хозяинъ, молчалъ тоже.

Вставъ изъ-за стола, незнакомецъ простился съ хозяйкой, поблагодарилъ ее и, ласково потрепавъ щечку раскраснѣвшейся Аделаиды, сѣлъ на коня, встрѣтившаго своего господина радостнымъ рѣжаніемъ.

— Поехжайте за мной, сенаторъ кабаллера, я покажу вамъ дорогу, сказалъ Санхомъ, усѣвшійся на мула — и пустите коню поводья свободнѣе — предоставленный себѣ, онъ, по узкой тропинкѣ, пойдетъ осторожнѣе.

— А теперь, сенаторъ, вы уже не заблудитесь, произнесъ Санхомъ послѣ двухчасовойѣѣзды, въ теченіе которой оба не произнесли ни слова, — слѣдуйте все по этой тропѣ; чрезъ полчаса она приведетъ васъ прямо на большую Севильскую дорогу. Поехжайте съ Богомъ и да хранить васъ Милосердая Богоматерь.

Незнакомецъ отѣшилъ отъ пояса свой охотничій ножъ.

— Примите это оружіе въ подарокъ отъ гостя, донъ Санхомъ.

— Будь это простой ножъ — я бы принялъ, но его украшенія слишкомъ роскошны, а потому, извините, если откажусь отъ такого подарка.

— Возьмите, донъ Санхомъ, я этого желаю! произнесъ почти повелительно незнакомецъ.

— Вы желаете, сенаторъ кабаллера? въ такомъ случаѣ, хорошо, благодарю васъ; онъ будетъ мнѣ служить воспоминаніемъ о знатномъ гостѣ; я сказалъ бы, что завѣщаю его сыну, еслибы, какъ вы знаете, небо мнѣ не отказало въ этой милости.

— Но дочь ваша даетъ вамъ зятя, такъ передайте его ему! У такой дѣвушки, какъ Аделаида, недостатка въ женихахъ не можетъ быть. Что?

— Я этого и не боюсь; но единственное дитя всегда избавлено!

— Дѣвушку принуждать не надо; любовь требуетъ свободы въ выборѣ; ну — будьте здоровы, донъ Санхомъ!

— Поехжайте съ Богомъ, сенаторъ кабаллера.

— Желаю и вамъ того-же, донъ Санхомъ, да хранить васъ нашъ святой патронъ Яго Компостельскій!

И оба разѣхались въ противоположныя стороны.

Прокакавъ съ четверть версты, незнакомецъ услыхалъ звуки роговъ и громкіе, тревожные клики людей.

— Ага, проговорилъ онъ — меня ищутъ!

Онъ тоже приложилъ рогъ къ губамъ и протрубилъ въ отвѣтъ; нѣсколько минутъ спустя, толпа конныхъ и пѣшихъ охотниковъ обступила его съ радостными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтительными привѣтствіями. Окруженный ими, незнакомецъ продолжалъ путь въ Севилью.

Когда Санхомъ возвратился домой, то нашелъ у себя Антоніо Гернандеца; гость сидѣлъ съ мадрѣ на верандѣ.

— Здравствуй, Антоніо! крикнулъ ему Санхомъ, слѣзая съ мула, — что привело тебѣ къ намъ? Хочешь послушать о знатномъ гостѣ, который провелъ у насъ эту ночь? Ну, я думаю мадрѣ и нинна тебѣ ужъ о немъ всѣ уши прожужжали! Но — гдѣ-же дѣвочка? она должна быть тутъ, на-лицо, когда такие гости, какъ Антоніо Гернандеца находятся въ домѣ

Санхомъ Цербуро; однако, прежде всего, жена — дай-ка намъ дѣраго вина; можешь и кружечку анисовки принести — не повредить ни мнѣ, ни Антоніо.

Антоніо Гернандеца былъ видный и франтоватый, молодой малый, немного неуклюжій и угловатый въ своихъ манерахъ, но, въ общемъ — чистокровный севильянецъ. Онъ былъ такой же мелкій скотоводъ, какъ и Санхомъ Цербуро; заведеніе его находилось въ одной изъ сосѣднихъ лощинъ Ронды.

Количество головъ въ его стадахъ было нѣсколько менѣе велико, нежели у Санхомъ, — но всетаки — настолько значительно, что не могло служить ему препятствіемъ просить руки Аделаиды Цербуро. Аделаида и мать принесли напитки.

— Добрый день, Антоніо Гернандеца! сказала дѣвушка совершенно непринужденнымъ тономъ, какъ будто между ними ничего не произошло.

И съ прирожденной севильской женшинамъ естественной грацией наполнивъ два маленькие роговые кубка анисовой водкой, онъ подала ихъ отцу и гостю, пока мать, въ свою очередь, ставила передъ ними двѣ кружки темнокраснаго вина, нацѣженія ею изъ кожанаго мѣха, висѣвшаго на верандѣ.

— Донъ Санхомъ! проговорилъ Антоніо, нѣсколько подбордившійся выпитой анисовкой и виномъ — теперь я вамъ скажу, зачѣмъ къ вамъ я пришелъ.

Санхомъ лукаво прищурилъ правый глазъ и улыбнулся; улыбнулась и жена, бросившая при этомъ взглядъ на Аделаиду.

— Какъ зачѣмъ? затѣмъ, чтобы навѣстить насть, произнесла дѣвушка, слегка покраснѣвъ, но — ровнымъ и спокойнымъ голосомъ.

— Ну конечно, засмѣялся Санхомъ, — конечно, не для чего иного, какъ навѣстить! да! да! просто на просто — навѣстить и, къ тому-же пришелъ именно для насть съ твоей матерью а во-все не для тебя!

— И Санхомъ громко и весело расхохотался; жена и дочь стали вторить ему; Антоніо глубоко вздохнулъ.

— Да почему посыщеніе Антоніо Гернандеца могло бы касаться меня, отецъ?

— Очень ужъ ты умна, дѣвочка! Ну, Антоніо, продолжалъ теперь Санхомъ, серьезно обращаясь къ гостю, — скажи-ка теперь прямо — что у тебя на сердцѣ, жена и я готовы тебя послушать, да, я думаю, и Аделаида тоже!

— Какое дѣло Аделаидѣ Цербуро до того, что у Антоніо Гернандеца на сердцѣ? съ холодной гордостью спросила дѣвушка.

— Карамба, дѣвочка! воскликнулъ изумленный донъ Санхомъ, — Аделаида, что это значитъ?

— Чего ты желаешь, отецъ?

— Чего? — я думалъ, что ты дозволила Антоніо Гернандецу искать твоей любви?

— Это такъ, отецъ; я дозволила Антоніо Гернандецу искать моей любви, но, вѣроятно, онъ не сумѣлъ искать какъ надо, потому что я не отдала ему моего сердца. Я думала, что онъ видѣтъ это — или ты не понялъ меня, Антоніо Гернандеца, въ нашемъ послѣднемъ разговорѣ?

— Можетъ-ли это быть! воскликнули сразу и Санхомъ, и съ мать. Изъ груди Антоніо вырвался новый вздохъ и крупные слезы скатились на бороду.

— Иди съ Богомъ, Антоніо Гернандеца и возвращайся простымъ сосѣдомъ! Какъ сосѣда — Аделаида примѣтъ тебя всегда дружелюбно въ домѣ своихъ родителей!

И высокомѣроно закинувъ головку, дѣвушка гордо вышла съ веранды.

— Клянусь тебѣ, Антоніо, я былъ увѣренъ, что у васъ съ Аделаидой дѣло сладилось!

— Я тоже былъ увѣренъ, что ея сердце склонилось ко мнѣ, какъ она мнѣ до сихъ порь позволяла на это надѣяться, но, донъ Санхомъ, ты видишь — она оттолкнула меня! грустно сказалъ Антоніо.

— Бѣднаго! а мы охотно приняли бы тебя въ зятя, самъ знаешь! Но принуждать единственное дитя, вѣдь, знаешь, нельзя, — любви надо дать немного свободы! А пока — не, унывай, Антоніо Гернандеца! Аделаида еще не выбирала другого; по крайней мѣре я ничего такого не слыхалъ; можетъ быть, ты, жена, что-нибудь знаешь?

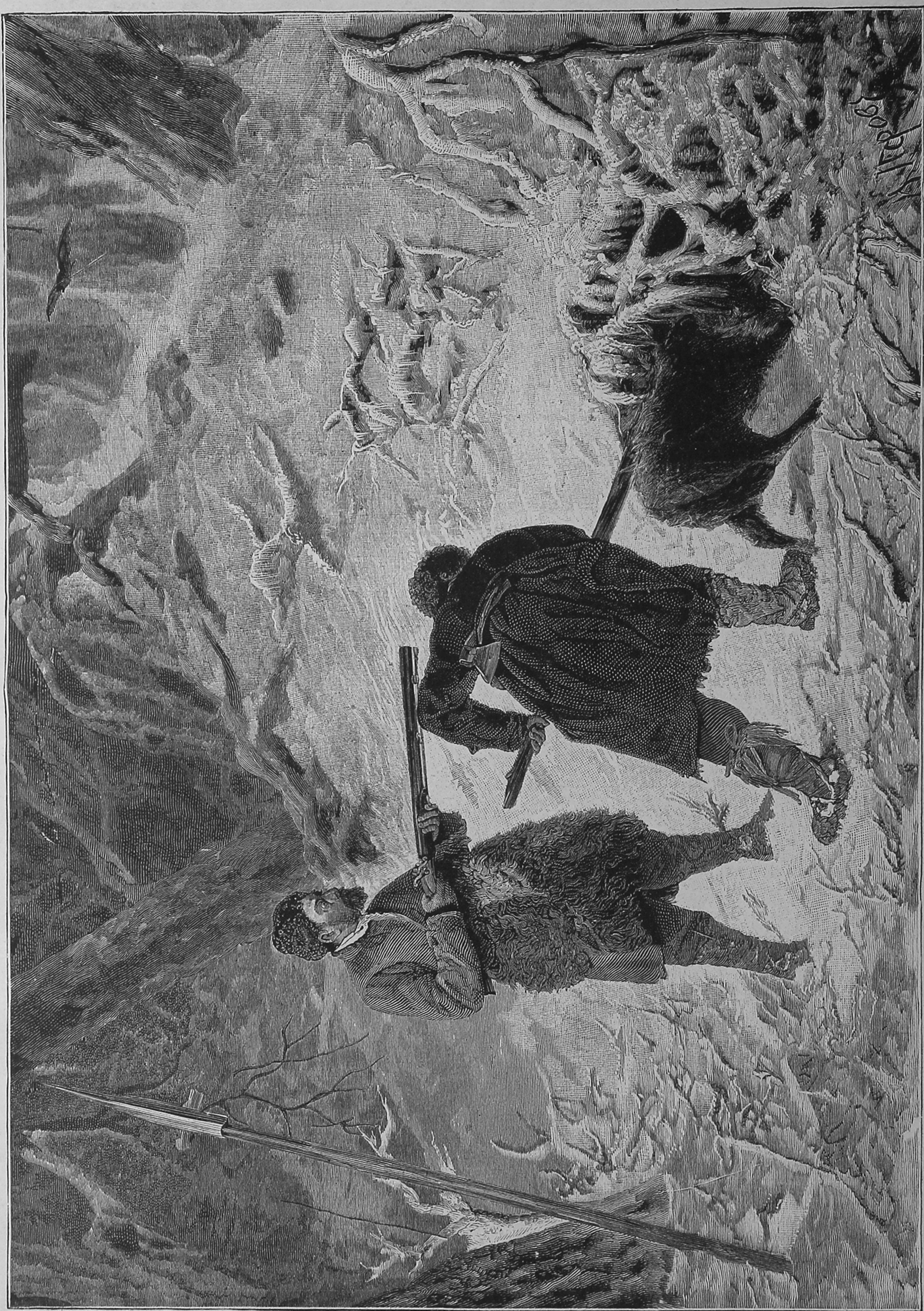
— Ничего, ничего не знаю! Я — также удивлена, какъ и ты, Санхомъ! тоже думала, что Аделаида будетъ женой Антоніо!

— Она, однако, никогда не показывала мнѣ ни малѣйшей взаимности, сказалъ Антоніо, — но и не отвергала моихъ ухаживаний, такъ что я все еще могъ надѣяться; вѣдь такъ охотно вѣрится въ то, чего желаешь!

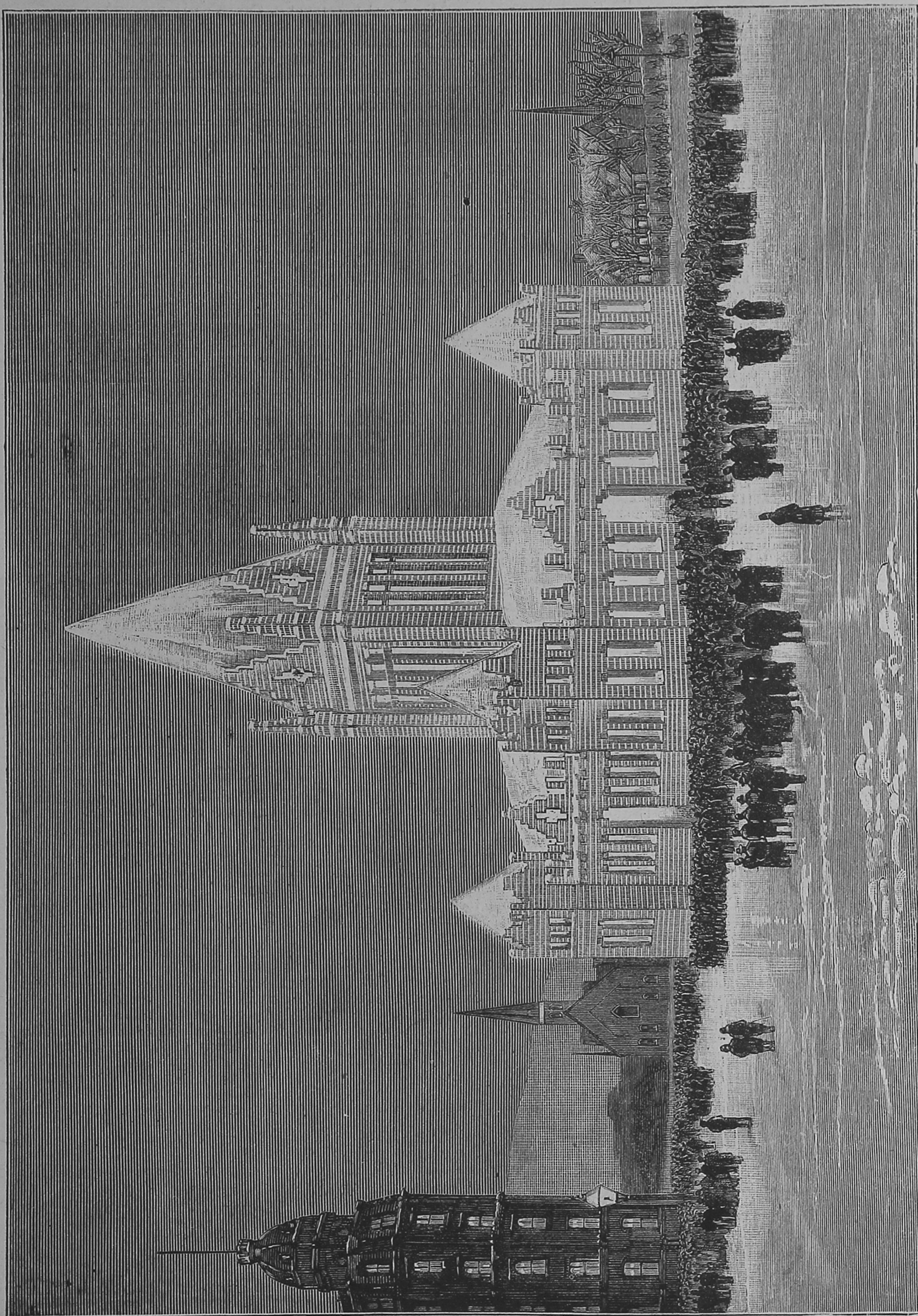
— Ну, ну, нечего сейчасъ ужъ и носъ вѣшать, Антоніо! Она еще вѣдь дѣвчинка, вѣтеръ, мало ли что ей въ голову лѣзетъ, да и какъ узнаешь у дѣвушки? Но ты, Антоніо Гернандеца, приходи, приходи назадъ къ Санхомъ Цербуро; пока другой не завладѣлъ ею, — она еще можетъ быть и твою, Антоніо; дѣвушка, за одну ночь, мѣняется какъ погода въ Рондѣ.

Приходи, Антоніо, но — принуждать дѣвушку... Антоніо, — это, право, не годится! а ты, жена, наполни-ка намъ опять кружки! У меня просто языки высохъ изъ-за этой Аделаиды и ея причудъ, а Антоніо не повредить, если онъ на свою маленькую сердечную рану винца нальеть!

Такъ уѣшалъ Санхомъ Цербуро Антоніо Гернандеца и, въ

Выставка картин Перова. Охота на медведя. Съ фотогр. Вишнякова, грав. М. Рашевской.

Масляница въ Канадѣ. Ледяной домъ въ Монреалѣ. Ориг. рис. Монса, грав. Гильдебрандт

самомъ дѣлѣ, его слова нѣсколько оживили надежду отвергнутаго взыхателя.

IV.

Три дня спустя, предъ домомъ Санхо Церборо остановились два всадника, носившихъ королевскіе цвѣта.

Санхо, его жена и Аделаида вышли встрѣтить ихъ.

— Примите мое привѣтствіе, сеннаръ гіадальго, сеннара и сеннарита! съ необычайной вѣжливостью произнесъ одинъ изъ всадниковъ;—вы—донъ Санхо Церборо, сеннаръ?

— Я, сеннаръ! чѣго угодно вамъ отъ Санхо Церборо?

— Мы привезли вамъ повелѣніе короля тотчасъ же слѣдовать за нами въ Севилью.

— Чѣмо можетъ быть угодно отъ меня королю Кастиліи и Леона? воскликнулъ тотъ съ изумленіемъ. Жена, тихонько толкнувъ его, начала ему шептать: „видиши, я была права, когда тебѣ говорила не болтать такихъ рѣчей при незнакомомъ гостѣ! Онъ, навѣрно, все передалъ королю и теперь, вѣтъ, надъ нами бѣда и стряслась! О Милосердая Владычица, заступись за насть! Я больше не увижу тебя, Санхо Церборо!

— Будь спокойна, жена! уѣшалъ тотъ—я нѣсколько не опасаюсь!—Сойдите, сеннары, сказалъ онъ, обращаясь къ всадникамъ,—и зайдите закусить въ домъ Санхо Церборо! своимъ лошадямъ дайте отдохнуть часокъ, другой, а не то онъ пристанутъ прежде, чѣмъ мы доѣдемъ до Севильи.

Всадники слѣзли и пока хозяйка угождала имъ, Санхо гладко выбрилъ себѣ щеки, старательно причесалъ свои волосы, бакенбарды и усы и надѣлъ лучшее платье.

Затѣмъ, когда королевскіе посланцы насытились и отдохнули, онъ поцѣловалъ жену и дочь, сказалъ имъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе, сѣль на своего мула и направился, въ сопровожденіи посланцевъ, немногого взволнованнаго, однако и безъ особеннаго страха, впередъ, навстрѣчу неизвѣстности. Въ городъ прибыли уже къ ночи. Посланцы прямо проѣхали, вмѣстѣ съ Санхомъ, въ Альказаръ, служившій дворцомъ и по данному ими знаку немедленно же были отворены боковыя ворота. Ихъ, повидимому ожидали, такъ какъ конюшій принялъ мула Санхомъ, къ нему же самому подошелъ пожилой, молчаливый маіордомо, который провелъ его въ комнату, где были приготовлены ужинъ и постель.

— Кушайте на здоровье и спите спокойно съ Богомъ! Виопо noche, сеннаръ! произнесъ маіордомо.

Санхо, считавшій невѣжливымъ спросить, чѣго желаетъ отъ него король, ограничился только вѣжливымъ отвѣтомъ: „Благодарю, сеннаръ маіордомо, и вамъ также доброй ночи! спите спокойно съ Богомъ!

На другое утро, тотъ же маіордомо, съ вѣжливымъ привѣтствиемъ, принесъ ему вино и завтракъ, а часъ спустя вошелъ опять и сказалъ ему: „Слѣдуйте за мной, сеннаръ гіадальго! съ вами желаютъ говорить!“

Снова взволнованный, но твердыми шагами, шелъ Санхо за маіордомо по ходамъ и галлереймъ, пока тотъ не отворилъ, наконецъ, двери и не ввелъ его.

Санхо очутился предъ тѣмъ самымъ незнакомцемъ, который нѣсколько дней назадъ былъ его гостемъ.

— Добро пожаловать въ Севилью, донъ Санхо Церборо! сказалъ онъ вошедшему,—вы, вѣроятно, не разсчитывали опять такъ скоро увидаться со мной?

— Нѣтъ, не разсчитывалъ, сеннаръ кабаллеро.

— Ну—скажу вамъ,—король прослышилъ о васъ, и ему также извѣстно все, что вы говорили о дурномъ управлѣніи Севильскаго губернатора, которое ставили въ вину ему, королю.

— Но, сеннаръ! произнесъ Санхо съ упрекомъ и сдѣлавъ шагъ назадъ,—значитъ, вы... вы поступили не какъ кабаллеро, вы передали королю то, что я, съ полнымъ довѣріемъ къ рыцарской чести моего гостя, говорилъ ему у себя въ домѣ, между четырехъ стѣнь? мнѣ очень жаль, жаль... за васъ, сеннаръ кабаллеро!

— Я не передавалъ королю, донъ Санхо Церборо! возразилъ кабаллеро просто и съ достоинствомъ.

— Какъ же это? а королю, все таки, извѣстно?

— Ему извѣстно, донъ Санхо Церборо!

— Значитъ вы сами, король—государь мой! воскликнулъ Санхомъ, удивленный, но не испуганный, и преклонилъ колѣно.

— Да, я—твой король и бывшій твой гость, донъ Санхомъ; теперь ты видишь что гость не злоупотребилъ довѣріемъ, которое ты имѣлъ къ его рыцарской чести.

— Государь, я вижу это.

— Скажи же мнѣ, донъ Церборо, произнесъ король съ какою-то торжественною серьезностью,—думаешь ли ты и теперь, что губернаторомъ Севильи и президентомъ суда двадцати четырехъ долженъ быть честный человѣкъ, съ головой и сердцемъ? отвѣчай же королю, твоему государю, на котораго ты, у себя, въ твоемъ домѣ, возлагалъ столь тяжелую отвѣтственность!

Съ минуту донъ Санхомъ молчалъ, но за тѣмъ проговорилъ яс-

но и твердо: Государь мой и король! Санхомъ Церборо отвѣчаетъ на вопросъ вашего величества: Да!

— Такъ вставай же, донъ Санхомъ Церборо—съ этой минуты губернаторъ Севильи и президентъ суда двадцати четырехъ!

— Государь! воскликнулъ Санхомъ ошеломленный.

— Что же это, донъ Санхомъ Церборо? ты теперь отклоняешься, когда король, государь твой, беретъ тебя на словѣ?

— Нѣтъ, государь! я не отклоняюсь! пусть исполнится воля вашего величества! Но—будутъ ли ваши вельможи, ваши дворяне больше повиноваться закону, если на стражѣ его станетъ не кто нибудь изъ нихъ, а простой сельскій дворянинъ? будуть ли члены суда двадцати четырехъ—все могущественные и знатные сеннары,—уважать простаго гіадальго, Санхомъ Церборо, какъ своего президента и, подъ его предсѣдательствомъ, судить виновныхъ по закону, не разбирая ни лица, ни званія? Будутъ ли они это дѣлать, король, государь мой?

— Клянусь Святымъ Крестомъ Иисуспителемъ, Санхомъ Церборо! воскликнулъ король и его глаза сверкнули тѣмъ огнемъ, передъ которыми всѣ дрожали,—что они будутъ это дѣлать!

— А изданные вашимъ величествомъ законы—должны ли безпрекословно выполняться всѣми, безъ извѣстія? и въ Севильѣ всѣ и каждый будутъ равны предъ закономъ, начиная съ высшаго и до нижайшаго простаго агуадора?

— Клянусь святыми мощами, Санхомъ Церборо! въ Севильѣ всѣ и каждый должны быть равны предъ королевскими законами, начиная отъ короля и до агуадора!

— Такъ коснитесь же меня своею королевскою шпагой, король, государь мой, и посвятите меня въ рыцари вашего королевскаго закона! торжественнымъ шепотомъ произнесъ Санхомъ Церборо.

Король обнажилъ шпагу и три раза дотронулся ею до плеча Санхомъ.

— Я сдѣлалъ такъ, какъ ты просилъ, донъ Санхомъ Церборо, встань, рыцарь королевскаго закона, губернаторъ Севильи, президентъ суда двадцати четырехъ!

Санхомъ поднялся съ колѣнъ, съ глубокою почтительностью прикоснувшись губами къ краю епанчи короля.

— А теперь, Санхомъ Церборо, продолжалъ король,—садись опять на своего мула, возвращайся къ себѣ и распорядись со своимъ домомъ; но, чрезъ три дня—будь опять въ Севильѣ, чтобы вступить въ должность; когда на третій день зазвонятъ къ вечернѣ, остановись у тѣхъ же самыхъ воротъ Альказара, въ которыхъ тебя впустили вчера; тебя тамъ будуть ждать; ну, сеннаръ губернаторъ, ва con Dios! отправляйся съ Богомъ, донъ Санхомъ и пока—никому ни слова!

И король отпустилъ его жестомъ, полнымъ величія.

Но Санхомъ Церборо вновь опустился на колѣни и поцѣловалъ епанчу короля.

Затѣмъ онъ, отступая, дошелъ до двери и исчезъ за ковромъ, прикрывавшимъ входъ.

Въ галлерѣ его ждалъ маіордомо, который отвелъ его обратно въ прежнюю комнату, где уже былъ поданъ обѣдъ.

— Кушайте, сеннаръ гіадальго! сказалъ онъ,—вашего мула сѣдлаютъ, такъ что вы можете сейчасъ же иѣхать.

— Въ такомъ случаѣ, сеннаръ маіордомо, будьте добры—велите мнѣ подать мула и извините, если я на этотъ разъ не приму пищи.

— Поеѣжжайте съ Богомъ, сеннаръ гіадальго! сказалъ маіордомо, доведя Санхомъ до наружной двери, гдѣ мулъ уже стоялъ.

— Нашъ патронъ, Св. Яго Компостельскій, да хранить васъ, сеннаръ маіордомо, и примите мою благодарность за ваше гостепріимство!

Санхомъ Церборо єхалъ домой, погруженный въ цѣлый міръ новыхъ мыслей.

Онъ сознавалъ не только величость отвѣтственности, которую принималъ на себя, видѣлъ и ожидалъ его борьбу; все это, однако, его не смущало—онъ былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, былъ увѣренъ, что одержитъ верхъ въ этой борьбѣ.

Жену Санхомъ извѣстіе о его возвышеніи сильно испугало; съ ужасомъ видѣла она въ будущемъ громоздившіяся одна на другой опасности на ихъ пути и тѣмъ страшнѣ казались онѣ простой женщинѣ, чѣмъ менѣе ея ограниченный умъ былъ въ состояніи представить себѣ ихъ форму и значеніе.

Совершенно иное впечатлѣніе оно произвело на Аделанду. Во всемъ схожая съ отцомъ, євшія воскликнула, полная гордаго воодушевленія:

— Adelante con Dios, Padre! Съ Богомъ впередъ, отецъ, и побѣда будетъ твоя!

— Надѣюсь на это, моя європка, и не боюсь ничего! Смѣлѣй жена, и обдумаемъ теперь—какъ намъ съ домомъ напимъ поступить—я, вѣдь, не хочу єхать въ Севилью безъ жены и дочери.

(До слѣд. №).

Мода въ безобразіи.

(Очеркъ Н. Д.)

Мода—справедливо выразился кто-то—есть неумолимый тиранъ, по отношению къ которому большинство людей является

добровольными, послушными рабами. И съ этими самоуверженными невольниками продѣлывается она все, что ей взду-
тъ.

мается,—обезображивает внешний видъ, красивыя формы тѣла, данная самой природой, создаетъ множество неудобствъ, наносятъ страшный вредъ здоровью и т. п. Всякое, самое причудливое, предписаніе ея строго выполняется. Критика почти не возвышаетъ своего голоса, сознавая всю бесполезность и бесплодность борьбы, и безмолвствуетъ, пока люди приносятъ тяжелыя жертвы этому могущественному божеству. Человѣчество какъ бы ослѣпляется въ этомъ отношеніи или теряетъ остатки своего здраваго смысла. Отсюда, мода является въ его жизни въ высшей степени поучительнымъ и интереснымъ явленіемъ.

Обращаясь единственно пока къ тѣмъ моднымъ предписаніямъ, которыя прямо вели къ обезображенію тѣла и вреду для организма, приходится сознаться, къ сожалѣнію, что во мракѣ временъ безслѣдно потеряно ихъ происхожденіе. Объяснить его можно лишь догадками. Нѣкоторыя были, вѣроятно, продуктомъ какихъ либо религіозныхъ суевѣрій и воззрѣній; другія, пристекали какъ бы и изъ гигіеническихъ требованій; третьи, наконецъ, клонились къ своеобразно-понимаемому улучшенію внешняго вида. Однако, каково бы ни было ихъ происхожденіе, смыло можно сказать,—что мода поддерживалась всегда не желаніемъ придать себѣ своеобразный, оригинальный внешний видъ, но наоборотъ—желаніемъ неотстать отъ другихъ, но слѣдовать установленному общему обычай.

То обстоятельство, что волосы легче всего подвергаются желаемымъ измѣненіямъ, придало моднымъ воздействиимъ на нихъ наибольшую распространенность и многоразличіе. Изъ глубокой древности оно перешло въ новыя времена, отъ дикарей къ народамъ цивилизованнымъ. Причудливостямъ моды подчинялась какъ длина волосъ и расположение, такъ точно и цветъ ихъ. Не говоря о дикаряхъ, укажемъ, что измѣненіе цвета волосъ не такъ давно практиковалось западно-европейскими женщинами—подтвержденіе этого мнѣнія, раздѣляемаго многими этнографами, по которому общность обычая свидѣтельствуетъ обѣ общности происхожденія расы.

Прежде всего, среди дикихъ народовъ оказывается весьма распространеннымъ бритье головы, не смотря на мучительность и трудность подобной операции, производившейся съ помощью кремневаго ножа или орудій изъ кости или раковины. Можно было бы подумать, что обычай этотъ возникъ ради возможности содергать голову въ чистотѣ, столь необходимой въ жаркихъ странахъ, и, наконецъ, для большей легкости, словомъ, изъ гигіеническихъ побужденій. Однако, подобное предположеніе сильно колеблется въ виду того, что мода бритье голову практиковалась лишь по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, среди фиджіанъ, въ то время какъ женщины тщательно брѣютъ волосы—мужчины, наоборотъ, оказываются украшенными роскошными, длинными, и известнымъ образомъ, по модѣ, расположеными волосами.

Въ нѣкоторыхъ африканскихъ странахъ считается необходимымъ, въ видахъ увеличенія женской красоты, тщательно вырывать брови, для чего имѣются особые щипчики, составляющіе непремѣнную принадлежность дамскаго туалета.

Ногти на пальцахъ рукъ точно также во многихъ мѣстахъ подвергались моднымъ воздействиимъ съ точки зрѣнія ихъ формы и цвета. Что же касается до приданія имъ возможно большей длины, то подобный обычай встрѣчается довольно рѣдко, вѣроятно, въ виду значительныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ нимъ.

Почти среди всѣхъ народовъ, въ значительной мѣрѣ, подвергались извѣстнымъ моднымъ воздействиимъ, въ видѣ прокалыванія, обрѣзыванія и измѣненія формы,—носъ, губы и уши. Сто лѣтъ тому назадъ, Кукъ нашелъ между обитателями восточнаго берега Австралии обычай продѣвать черезъ хрящъ, раздѣляющій ноздри, палочку толщиною въ палецъ и проходившую почти поперекъ всего лица. Невозможно сказать, ради чего явился подобный обычай. Но независимо отъ того, что онъ несомнѣнно обезображивалъ лицо, палочка дѣлала невозможнымъ дыханіе черезъ носъ и послѣднее могло совершаться лишь чрезъ ротъ, почему бѣднымъ мученикамъ моды и приходилось держать его полуоткрытымъ. Отсюда—вредъ для здоровья, неблагозвучное измѣненіе произношенія и, наконецъ, некрасивый видъ.

Одно дикое африканское племя, по описанію путешественника Дантиѣ, видѣвшаго его въ 1681 году, дѣлало отверстія въ губахъ мальчиковъ съ самого раннаго возраста. Отверстія эти оставались навсегда и въ нихъ вставлялись украшенія изъ раковинъ, иногда относительно порядочной величины. Тоже самое продѣывалось съ ушами, одинаково и мужчинами и женщинами. Почти такой же обычай существуетъ до сихъ порть среди батокудосовъ, обитающихъ на югѣ Бразиліи. Въ видѣ украшенія для губъ носится ими продолговатый деревянный конусъ, вѣсѧщий иногда около четверти фунта. При этомъ нижняя губа оттягивается внизъ и обнаруживаетъ зубы и десны, что, понятно, придаетъ лицу омерзительный видъ, никакъ неспособный послужить къ его украшенію. Нѣчто подобное практикуется эскимосами, при чемъ отверстія дѣлаются ими у обоихъ угловъ рта; обычаю этому придается ими какое-то особое значеніе; подвергаются ему лишь мужчины, въ первый разъ по достижениіи совершеннолѣтія, со всею торжественностью. Но

особенно удивительную изобрѣтательность проявляютъ въ обезображеніи носа, губъ и ушей, дѣлая въ нихъ отверстія и вставляя различныя, тяжелыя и легкія, украшенія,—женщины дикаго племени, тлинкитъ, живущаго на берегахъ Аляски. Весьма успѣшно соперничаютъ, наконецъ, съ этимъ племенемъ въ изобрѣтеніи возможно-безобразныхъ модныхъ измѣненій губъ, носа и ушей, негры, населяющіе средину Африки. Нельзя не напомнить при этомъ о столь распространенномъ въ цивилизованныхъ обществахъ прокалываніи ушей и продѣваніи черезъ отверстія сережекъ, часто сравнительно значительного вѣса... Не есть ли это остатокъ прежняго первобытнаго состоянія, подобного тому, которое переживаются нынѣ еще многія дикия племена людей?

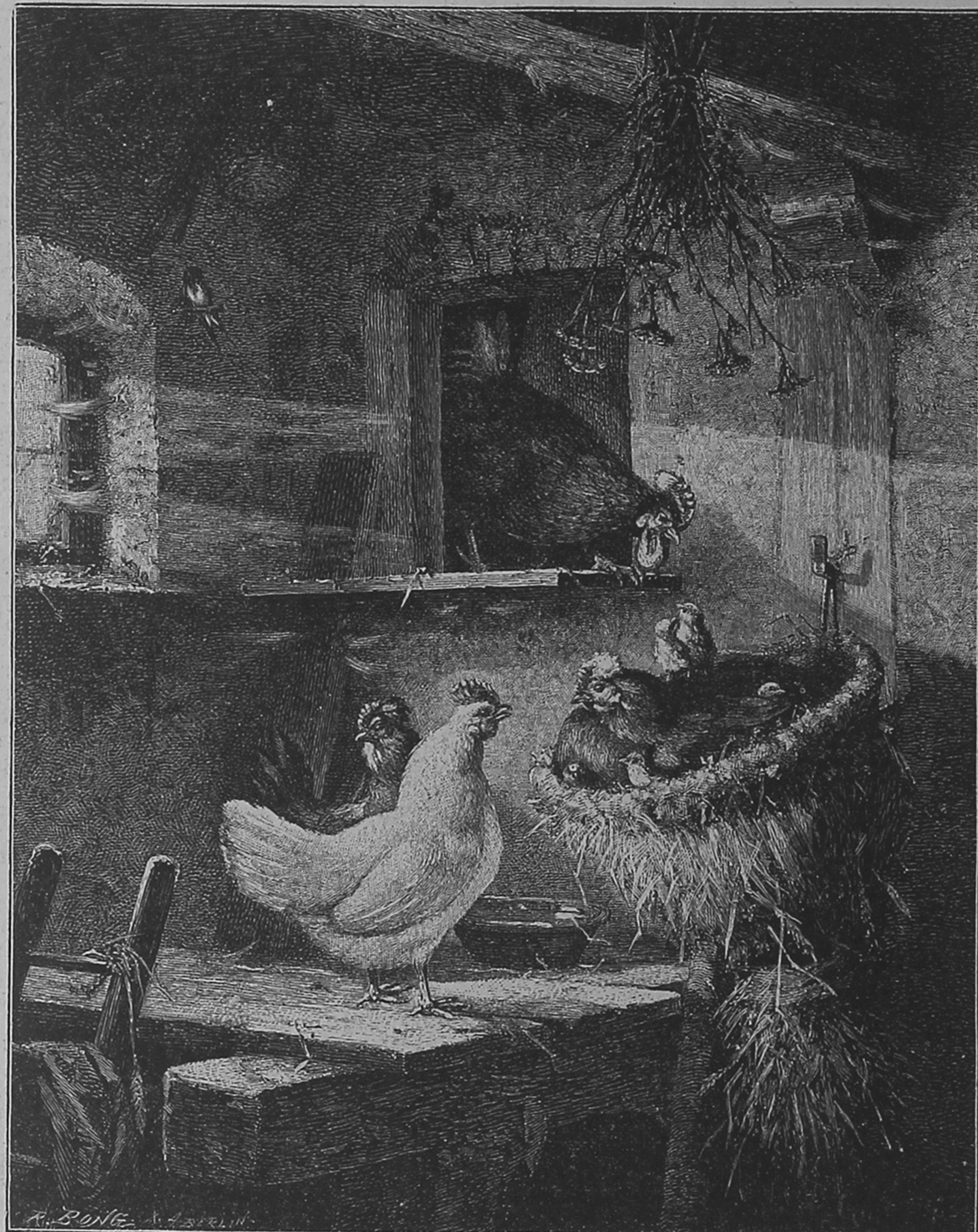
Естественная, столь полезная и цѣлесообразная форма зубовъ, этихъ органовъ, имѣющихъ столь важное значеніе для человѣческаго организма и служащихъ къ немалому украшенію лица, точно также измѣняется весьма разнообразно, по требованію причудливой и уродливой моды. Обыкновенно подобнымъ измѣненіямъ подвергаются только передніе зубы, рѣзцы, какъ находящіеся на виду. Измѣненія эти заключаются иногда въ заостреніи зубовъ, выемкахъ изъ нихъ треугольныхъ частицъ или частицъ, напримѣръ, круглой формы. Результатъ—одинъ и тотъ же, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ: обезображеніе полости рта и помѣха въ выполненіи зубами ихъ назначенія. Мода обнаруживаетъ также частое посягательство и на природный цветъ зубовъ. Такимъ образомъ существуютъ племена, съ отвращеніемъ взирающія на белые зубы и выкрашивающія, поэтому, свои въ черный цветъ, какъ якобы болѣе соответствующій требованіямъ красоты. Наконецъ встрѣчается обычай дѣлать отверстія въ передніхъ зубахъ и заполнять ихъ кусочками мѣди, тоже въ видѣ украшенія!

Уже одними этими уродливыми и вредными модными обычаями человѣчество поражаетъ наблюдателя. Но на этомъ оно не останавливается и идетъ далѣе, ради требованій моды, подвергая измѣненіямъ внешнія части тѣла, передающіяся костному оству и органамъ, находящимся внутри его. Обезобразить волосы, уши, губы—еще не такъ трудно. Но обезобразить, напримѣръ, черепъ—это гораздо труднѣе и тѣмъ поразительнѣе. Между тѣмъ, обычай искусственного измѣненія формы головы принадлежитъ къ числу давнихъ и широкораспространенныхъ. О немъ упоминаютъ многие древніе писатели; о немъ же свидѣтельствуютъ и нынѣшнія археологическая открытія. Встрѣчается онъ въ такихъ племенахъ, которымъ никогда не соприкасалась другъ съ другомъ, и одно не могло, поэтому, заимствовать его у другаго. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ племени обычай этотъ возникъ самостоятельно. Желаемая измѣненія придавались и придаваются черепу обыкновенно тогда, когда кости его еще не пріобрѣли достаточной твердости и легко поддаются внѣшнимъ вліяніямъ. Совершались они или съ помощью рукъ—смотря по степени и характеру желаемаго измѣненія—или съ помощью какихъ либо механическихъ приспособленій, въ родѣ лубковъ. Ради моды, черепу придавался иногда плоскій видъ,—отчего представители одного индійского племени до сихъ порь обыкновенно называются „плоскоголовыми“; или же искусственнымъ образомъ дѣлали его продолговатымъ; точно также черепъ подвергался сдавливанію съ боковъ и т. п. Словомъ, и въ этой области проявлено человѣчествомъ немало изобрѣтательности, достойной лучшей участіи. Само собою разумѣется, что столь безобразная измѣненія благороднѣйшей части тѣла—головы, сопровождались болью, иногда довольно значительной, для ребенка, котораго подвергали модное пыткѣ. Оно влекло за собою, конечно, частыя заболѣванія, кончавшіяся смертью. Не могла также подобная мода не отразиться и на умственномъ здоровыи людей, слѣдовавшихъ ей. Развитіе мозга задерживалось, извращалось и, такимъ образомъ, нерѣдко возникали отсюда случаи идиотизма. Трудно, кажется, вообразить себѣ какія-либо болѣе печальная послѣдствія...

Переходя отъ головы къ оконечностямъ, мы не будемъ останавливаться на рукахъ, очень мало потерпѣвшихъ отъ моды. Существующіе кой-гдѣ обычай отнимать одинъ-два пальца, относятся собственно не къ модѣ, но пристекаютъ изъ религіозныхъ побужденій. За то рѣдко гдѣ естественный видъ и ростъ ногъ не подвергался и не подвергается изуродованію, на основаніи различныхъ нелѣпыхъ требованій моды. Впрочемъ-то обстоятельство, что обитатели тропическихъ жаркихъ странъ обыкновенно ходятъ босыми, несомнѣнно умѣряло модное воздействиѣ на нижнія оконечности. Пропуская, поэтому, нѣкоторые капризы первобытной моды, приходится, прежде всего, съ изумленіемъ остановиться передъ народомъ, достигшимъ значительной степени развитія и пріобрѣвшимъ себѣ печальнную историческую и, кажется, всемирную извѣстность практикуемъ среди его женщинами глубокимъ изуродованіемъ ногъ. Народъ этотъ—китайцы. Изуродованіе ногъ производится ими надъ девочками, достигшими пятнадцатнаго возраста. Нижнія оконечности заключаются въ особые лубки, которыми онѣ сильно сдавливаются и измѣняютъ свою форму, а именно, стягаются такъ, что пятка принимаетъ положеніе нѣсколько выше носка, который направляется внизъ—на подобіе копыта. Выходитъ нѣчто въ высшей степени безобразное, въ связи съ зна-

чительнымъ уменьшениемъ величины ногъ. Послѣднія, наконецъ, подвергшись подобному измѣненію, оказываются гораздо менѣе способными выполнять и то назначение, которое возложено на нихъ природой. Китайская женщина ходитъ черезъ это съ трудомъ и странной неуклюжей колеблющейся походкой, готовая упасть ежеминутно, вслѣдствіе недостаточно широкаго основанія, на которое опирается ея тѣло. Самый способъ подобного изуродованія ногъ заключается въ себѣ много мучительного, тѣмъ болѣе, что практикуется надъ болѣе или менѣе окрѣпшими костями, не въ самомъ раннемъ возрастѣ. Обычай этотъ болѣе распространенъ въ высшихъ классахъ китайского населения, нежели въ низшихъ.

Къ сожалѣнію, всѣ цивилизованные народы сходятся съ китайцами въ дѣлѣ изуродованія ногъ ради требованій прічудливой моды. Модная обувь, употребляемая среди ихъ, не стремится соотвѣтствовать той красивой и цѣлесообразной формѣ, которую дала природа нижнимъ оконечностямъ. Наоборотъ, подъ вліяніемъ обуви, форма эта измѣняется къ худшему у всѣхъ, кажется, безъ исключенія представителей современаго, такъ называемаго цивилизованнаго человѣчества — кромѣ тѣхъ развѣ, кого „цивилизациѣ“ не наградила все таки сапогами. Отъ узкихъ носковъ пальцы ногъ тѣсно прижимаются одинъ къ другому и направляются книзу. Самая форма пальцевъ претерпѣваетъ при этомъ часто крайне уродливые измѣненія. Благосклонность моды къ „маленькимъ ножкамъ“ создаетъ то, что обувь носятъ обыкновенно съ ранняго возраста поуже, особливо женщины, да бы пріостановить развитіе ногъ. Отсюда боли, иногда весьма чувствительныя, и серьезныя заболѣванія. Наконецъ, высокіе каблуки, нынѣ столь употребительные, ведутъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, живо напоминая о китайскомъ обычай.

Визиты къ молодой матери. Ориг. рис. Зюсса, грав. Бонгъ.

Но врядъ ли можетъ сравняться какой-либо модный обычай, практиковавшійся и практикуемый среди дикихъ и развитыхъ народовъ, съ столь распространеннымъ нынѣ затягиваніемъ въ корсетъ. Въ немъ особенно ярко отражается присущее модѣ противорѣчіе истинной красотѣ и ея вредное вліяніе на органы тѣла. Тонкая „талія“ не составляла вовсе принадлежности древнегреческихъ художественныхъ образцовъ женской красоты, и естественный размѣръ ея не только не служилъ недостаткомъ въ этихъ образцахъ, но наоборотъ, создавалъ обаяніе мощи. Да и стремится ли, вообще, сама природа гдѣ либо къ безобразію? Между тѣмъ, прихотливая мода предъявляла строго-выполняемое требованіе, якобы въ видахъ красоты, возможно тонкой „таліи“ отъ женщины. И въ ущербъ красотѣ, собственному здоровью, здоровью будущаго поколѣнія, претерпѣвая неудобства и боли, подвергаясь заболѣваніямъ, — современные женщины соперничаютъ между собою на этомъ поприщѣ. Ни одинъ обычай не приносить и не приносилъ никогда, вѣроятно, столь обильныхъ жертвъ тому, созданному самими людьми, ненасытному божеству, которое именуется модой.

Нужно ли еще говорить объ этомъ, ярче живописать вредъ корсетовъ и другихъ современныхъ модныхъ приспособленій? Но это такъ ясно само по себѣ. Остается пожелать, чтобы, или индивидуальная воля, скованная подражательными обычаями нынѣ, освободилась отъ нихъ и постепенно гарантировала человѣку его естественное здоровье и красоту, или чтобы подъ вліяніемъ здравыхъ естественноисторическихъ, гигиеническихъ и эстетическихъ понятий, измѣнилось общее неестественное, вредное для здоровья и противорѣчашее истинному понятію о красотѣ направление такъ называемыхъ модныхъ обычаемъ и приспособленій.

Къ рисункамъ.

Агасоэръ (Вѣчный Жидъ).

(Рис. на стр. 220 и 221).

Среди многочисленныхъ средневѣковыхъ сказаний и легендъ — легенда обѣ Агасоэрѣ, или вѣчномъ жидѣ, была долгое время сама распространеною въ Западной Европѣ и производила глубокое впечатлѣніе не только на простолюдиновъ, но и на людей ученыхъ этого времени. Всѣхъ занимала мысль, какъ бы увидѣть это несчастное существо, гонимое рукою Божией изъ страны въ страну, и лишенное, среди своихъ безконечныхъ мукъ и угрозъ совѣсти, даже утѣшения смерти. Таинственная легенда видѣла въ Агасоэрѣ или вѣчномъ жидѣ то привратника судилища, въ которомъ Спаситель былъ осужденъ на

распятіе, передавая, что Агасоэръ у дверей судилища далъ жестокій ударъ Спасителю по лицу и сказалъ съ язвительной насмѣшкой: „Иди скорѣй Гисусъ, иди скорѣй; мнѣ некогда съ тобою терять время“; Гисусъ же взглянулъ на него кроткимъ взглядомъ и сказалъ: „Я ухожу, ты же будешь ждать Меня до Моего второго пришествія“. Другая легенда разсказывается, что Агасоэръ былъ тотъ башмачникъ, который отогналъ отъ своего дома Гисуса, изнемогавшаго подъ тяжестью креста и остановившагося перевести духъ. Тогда Спаситель сказалъ ему: „Я остановлюсь и отдохну, а ты будешь идти вѣчно!“ Съ тѣхъ поръ Агасоэръ покинулъ домъ и сталъ бродить по свѣту, оплакивая свое преступленіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что легенда обѣ Агасоэрѣ восточного про-

Въ Америкѣ. Игра въ мыльные пузыри. Рис. Тренчъ, грав. Велерь.

исхождения, занесенная крестоносцами в Европу и получившая тамъ необычайное распространение, особенно между сельскими жителями, которые видѣли вѣчного жида въ каждомъ оборванномъ чужеземцѣ, обладающемъ сѣдою бородою, важнымъ, серьезнымъ видомъ и который шелъ не останавливалась, не поднимая ни на кого глазъ и хранилъ упорное молчаніе. Такія таинственные, мрачные личности являлись иногда и въ городахъ и каждое ихъ появление аккуратно вносило въ мѣстныя летописи хроникерами добраго стараго времени. Такъ одинъ германскій епископъ XVI стол., Павель фонъ-Эйтценъ, серьезно сообщаетъ, что онъ встрѣтилъ Агасѣра въ Гамбургѣ и долгое время имѣлъ съ нимъ сношенія. По его словамъ, это былъ человѣкъ высокаго роста, который казался на видъ не старѣе пятидесяти лѣтъ. Длинные его волосы падали на плечи; ноги были постоянно босы. Его одежда состояла изъ широкихъ штановъ и короткой юбки, доходившей ему до колѣнъ; длинный плащъ, ниспадавшій до пятокъ, дополнялъ его странный костюмъ. Появление вѣчного жида замѣчалось много разъ въ XVI вѣкѣ, во Франціи, Германіи и Бельгіи и каждый разъ, по народному повѣрю, предвѣщало какоенибудь общественное бѣство. Такъ вѣчный жида, по свидѣтельству хроникъ, передъ убийствомъ Генриха IV Раваньякомъ, явился въ Страсбургѣ, Бовѣ, Ніонѣ и другихъ городахъ Франціи. Въ 1575 году секретарь Христофоръ Краузе и Яковъ фонъ-Гольдштедтъ, посланные по дипломатическимъ дѣламъ къ испанскому двору, нашли вѣчного жида уже въ Мадридѣ, гдѣ, по ихъ словамъ, онъ возбуждалъ общее вниманіе. Въ 1599 году эта же таинственная личность является въ Вѣнѣ, проходить Польшу, посѣщаетъ Данцигъ, а въ 1601 году, тогдашніе хроники отмѣчаютъ его пребываніе въ Равенѣ и Краковѣ и даже въ нашей родной Москвѣ, гдѣ, по ихъ словамъ, онъ былъ видимъ многими и со многими бесѣдовалъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Въ хроникѣ города Любека встрѣчаются слѣдующія лаконическія строки: „14-го января 1603 года покинулъ Любекъ тотъ неумирающій еврей, который, по его собственному сознанію, присутствовалъ при распятіи Иисуса Христа“. Впрочемъ, нужно сказать правду, что уже и въ это время находились болѣе добросовѣстные хроники, которые прямо заявляли, что пишутъ съ чужихъ словъ, не удостоясь узрѣть вѣчного жида собственными глазами. Въ ближайшія къ намъ столѣтія, мрачная личность вѣчного жида уже рѣдко удостаивала своимъ посѣщеніемъ европейскія государства, а если и появлялась въ нихъ, то встрѣчалась съ большимъ недовѣріемъ. Такъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, одинъ подобный авантюристъ, выдававшій себя за вѣчного жида, фигурировалъ въ Лондонѣ. Легенда о Вѣчномъ Жида, кромѣ знаменитаго романа Евгения Сю, послужила сюжетомъ для нѣсколькихъ поэтическихъ произведеній, между прочимъ, нѣмецкихъ поэтовъ Гамерлинга и Мозена. Изъ поэмъ этого послѣдняго именно и взята прилагаемая сцена. Грандиозный образъ Агасѣра, съ его фанатической борьбой противъ христіанства и тяготѣющимъ нимъ вѣчнымъ проклятиемъ, рѣзкими чертами обрисованъ въ поэмѣ Мозена. Рядъ несчастій, обрушившихся надъ нимъ начинается смертью его первой жены и вынужденнымъ убийствомъ двухъ его близнецовыхъ, чтобы они не попали въ руки римлянъ. Затѣмъ, вторая его жена и ея дѣти погибаютъ въ пламени осаждаемаго римлянами храма и наконецъ и третья жена, съ которой онъ жилъ счастливо, также погибаетъ въ волнахъ озера и трупъ ея выброшенъ на берегъ. Это изображено на нашемъ рисункѣ. Мрачный, грозный, въ безумномъ горѣ, сидитъ Агасѣръ надъ ея трупомъ. Стихи Мозена во II пѣснѣ поэмъ выражаютъ ясно его душевное состояніе.

„Насутся волны жизни чередой,
Одна другую жадно поглоща,
А тамъ вдали ужъ новыя толнятся...
Быть вѣчно одному съ самимъ собою,
Безостановочно скитаюсь, вѣчно,
Безъ счастья въ прошломъ, безъ луча надежды!
И безконечность этихъ дней ужасныхъ
Стремяся сократить, кидался онъ
Въ бушующія волны этой жизни.
И вновь его тоскующее сердце
Избраницу нашло,— забилось страстью—
И та уже погибла...“

Содержаніе этихъ стиховъ превосходно передано въ эфектной картинѣ Марра.

Литерат. альбомъ. Бояринъ Орша. М. Ю. Лермонтова.
(Рис. на стр. 225).

Прекрасно задуманный и рельефно очерченный нашимъ поэтомъ типъ боярина Орши отличается своей психологической, и исторической правдой. Да, въ суровое время Грознаго Царя такие ужасы, какіе описываются въ этой поэмѣ, были не необыкновеннымъ дѣломъ. Воспитанный въ суровой школѣ Грознаго, бывшій въ средѣ его опричниковъ, онъ и тамъ не ужился; гордость его и тамъ считала себя оскорблennой, и вотъ, распростишись съ дворомъ Царя, онъ удалился въ свою уединенную усадьбу, чтобы жить замкнуто, подчиняясь одной

своей непреклонной, суровой волѣ. Недоступный для всѣхъ другихъ радостей, онъ холилъ единственное сокровище—свою дочь. Только ей онъ вѣрилъ; только она не возбуждала его вѣчныхъ подозрѣній, но вотъ въ одну безсонную ночь онъ призываетъ своего холопа Сокола и приказываетъ ублюживать его какою нибудь пѣснью. Хитрый Соколь, какъ нарочно затягиваетъ пѣсню, гдѣ говорится какъ дочь знатнаго боярина полюбила конюха; отецъ засталъ ихъ на свиданіи и обоихъ предалъ смерти. Пѣсня Сокола поразила Оршу страшнымъ предчувствіемъ; въ немъ неожиданно проснулись подозрѣнія и въ умѣ его вдругъ блеснула мысль: а что если это правда? Надо подсмотрѣть, надо увѣриться! — И вотъ онъ какъ тать подкрадывается къ свѣтлицѣ своей дочери; проходитъ мимо спящей ея мамки и останавливается у дверей. Здѣсь онъ слышитъ, что въ свѣтлицѣ дочь не одна; кто-то шепчетъ ей нѣжныя рѣчи и она отвѣчаетъ на нихъ также страстнымъ шепотомъ. Орша съ замираніемъ сердца ждетъ, что будетъ дальше.

И голоса замолкли вдругъ,
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И изступленный и нѣмой
Предсталъ предъ блѣдною четой.

Этотъ моментъ и изображенъ на рисункѣ. Арсеній—рабъ, безродный сирота, которому онъ когда-то далъ призоръ и кровь, держащий его дочь въ своихъ объятіяхъ. Гнѣвъ старика не имѣлъ границъ; приказавъ связать дерзкаго своимъ холопамъ, онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на несчастную девушки, упавшую безъ чувства на полъ; въ какой-то страшной рѣшиности онъ замыкаетъ дверь свѣтлицы и велитъ бросить ключъ въ Днѣпро. Арсенія караетъ монастырскій судъ какъ бѣглого монаха; до казни его запираютъ въ темницу, но онъ бѣжитъ и исчезаетъ безъ вѣсти.

Прошло много лѣтъ; хищная Литва вторгается въ русскіе предѣлы и боярина Орша собираетъ соратниковъ, чтобы отразить набѣгъ, но силы его оказались слабѣ, чѣмъ у врага; войско его побито и онъ самъ, смертельно раненый, готовъ уже испустить духъ. Въ эту минуту передъ нимъ неожиданно является Арсеній, бывшій сообщникомъ литовскаго набѣга. Арсеній видѣть, что старику остается жить недолго и съ замираніемъ сердца спрашиваетъ о судьбѣ его дочери. Орша отвѣчаетъ съ усмѣшкой:

Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днѣмъ
Неѣть, не спить, все ждеть да ждеть,
Покуда милый не придетъ.

Это были послѣднія его слова; онъ умираетъ, а Арсеній, какъ съумасшедшій, сломя голову, спѣшитъ въ знакомую усадьбу, где онъ оставилъ свою милую. Тотъ-же теремъ съ девичьей свѣтлицей, но повсюду слѣды запустѣнія; въ покояхъ нѣть ни души и въ нихъ свободно ходить вѣтеръ. Но вотъ по ветхой лѣстницѣ онъ спѣшитъ въ свѣтлицу, выбиваетъ дверь и ему представляется страшное зрѣлище:

„Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой!

„Медвѣжья охота“, картина Перова.

(Рис. на стр. 228).

Выставка произведеній покойнаго Перова весьма охотно посѣщалась публикой въ Академіи Художествъ. Многія изъ картинъ весьма замѣчательны по силѣ выраженія и весьма эффектны. Мы намѣрены представить нѣсколько наиболѣе характеризующихъ этотъ оригиналъ талантъ и менѣе извѣстныхъ публикѣ. Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ его „Медвѣжью охоту“.

Художникъ изобразилъ способъ охоты, употребляемый сѣверными охотниками—осаду медвѣдя въ его берлогѣ. Иногда заливаютъ берлогу корнями и затѣмъ стрѣляютъ туда, но это портить шкуру и не практикуется особенно много. Дѣлаютъ эту осаду и другимъ способомъ: нарубаютъ нѣсколько вершинокъ елей и пихты, длиною аршина въ два, и подходятъ къ берлогѣ. Заслушавъ движеніе звѣря, втыкаютъ туда вершинку толстымъ концомъ (комлемъ) впередъ. Такъ какъ вѣтви ели ростутъ вверхъ, то медвѣдь легко втаскивается вершинку къ себѣ. Вслѣдъ за первою вершинкою втыкается другая, третья. Звѣрь озлобясь реветь, все втаскивается къ себѣ, но вытолкнуть уже не можетъ, такъ какъ этому мѣшаютъ вѣтви. Медвѣдь прижатый къ одной сторонѣ, начинаетъ реветь, по реву опредѣляютъ мѣсто его нахожденія и стрѣляютъ въ упоръ. Нерѣдко случается, однако, что раненый звѣрь, притаившись въ углу берлоги, гдѣ пули въ него не попали, когда разрывали берлогу, вырывался изъ своего логовища и отважнымъ охотникамъ сильно таки доставалось...

Ледяной домъ въ Монреалѣ.

(Рис. на стр. 229).

Ежегодно въ городѣ Монреалѣ въ Канадѣ происходятъ величественные зимніе праздники (карнавалъ, т. е. наша масляница), на которые соучастники и зрители стекаются со всей сѣверной Америки. Это почти тоже, что Римскій карнавалъ съ его великолѣпными поѣздами, непринужденной уличной жизнью и безумнымъ весельемъ, съ тою разницей конечно, что условія температуры вѣдь совсѣмъ иные. Американскія празднества приспособлены къ климату, и быть можетъ единственно потому, что эти празднества это своеобразнѣйшія во всемъ мірѣ. Впродолженіи цѣлыхъ недѣль идутъ приготовленія; принимаются мѣры къ возможно удобному передвиженію участниковъ и зрителей, число которыхъ доходитъ до нѣсколькохъ десятковъ тысячъ. Главныя развлечения обширной, расчитанной на нѣсколько дней, программы состоятъ въ величественныхъ поѣздкахъ на саняхъ въ 300 и 400 саней, въ процессіяхъ и гонкахъ на льду, народныхъ играхъ, гонкахъ на лыжахъ, паконецъ въ банкетахъ и веселыхъ пиршествахъ. Само собою разумѣется, что въ промежуткахъ бываютъ балы и маскарады.

Игры и гонки происходятъ на большой, въ милю длины, площади и эта послѣдняя бываетъ прелестно разукрашена. Но средоточіе празднества образуетъ громадная постройка изъ льда, выведенная въ центрѣ города въ сквэрѣ Доминіанъ. Это четыреугольникъ, имѣющій 100 футовъ внутри, съ четырьмя башнями, каждая въ 15 футовъ ширины и 30 футовъ высоты. Въ центрѣ зданія поднимается высокая въ 100 футовъ башня. Стѣны и башни сдѣланы изъ большихъ, равномѣрныхъ ледяныхъ глыбъ, взятыхъ изъ рѣки Св. Лаврентія.

Хрустальный прозрачный этотъ матеріяль соединяли поливкой водою, пока отдельные куски не смерзались плотно и не образовали сплошной стѣны. Крыша сдѣлана изъ балокъ, соединенныхъ вѣтвями елей, которая изъ пожарныхъ трубъ поливались водою, пока въ сильные морозы не смерзались и не покрывались толстою ледяною корою, съ многочисленными ледяными зубцами.

Видъ этого ледяного дворца при солнечномъ сѣніи необыкновенно красивъ, но еще великолѣпнѣе дворецъ бываетъ ночью подъ концентрическими лучами электрическихъ лампъ и тогда въ этомъ магическомъ освѣщеніи онъ производить какое то сказочное впечатлѣніе. На нашемъ рисункѣ дворецъ представленъ во время электрического освѣщенія. Еще сильнѣйшее впечатлѣніе производить внутренность дворца. Въ этомъ году празднества начались 23 января и продолжались до 27 числа. Всѣ эти пять дней, одно удовольствіе смѣнялось другимъ. Праздникъ начался открытиемъ ледяного дворца и во

все время погода благопріятствовала ему; термометръ постоянно показывалъ ниже нуля. Какое значеніе имѣло это празднество, видно изъ того, что 24 января—день самыхъ разнообразныхъ удовольствій, по распоряженію бургомистра, были закрыты всѣ лавки и простоянены занятія въ школахъ.

Визиты къ молодой матери.

(Рис. на стр. 232).

Она еще не совсѣмъ здорова, не совсѣмъ оправилась, но имѣть совершенно счастливый видъ. Цѣлая семья крохотныхъ, желтыхъ, пушистыхъ птенчиковъ попискиваетъ кругомъ нея. Столько заботъ, хлопотъ! Того шалуна надо легонько клюнуть, этого прикрыть крыломъ—онъ самый маленький и нѣжный и можетъ легко простудиться. Весь курятникъ уже знаетъ о ея семейномъ счастіи. Являются ее поздравить. Съ дальнѣго двора даже пришли любопытныя клоуны, засыпавъ объ своей знакомой, надѣясь, что пѣтухъ будетъ же какънибудь праздновать семейное событие и не мало зеренъ и хлѣбныхъ крошекъ перепадеть имъ. Но пѣтухъ вахлопотался, повидимому, по домашнимъ дѣламъ и вовсе не намѣренъ угощать посѣтительницъ и, появившись сквозь слуховое окно изъ внутреннихъ апартаментовъ, даже нѣсколько недружелюбно посматриваетъ на посѣтительницъ, которая шумомъ и клохтаньемъ только разстраиваетъ нервы больной и могутъ напугать малютокъ, только что открывшихъ глазки на ослѣпительный Божій свѣтъ...

Игра въ мыльные пузыри въ Америкѣ.

(Рис. на стр. 233).

Кипучая жизнь общества Заатлантической республики, вѣчное исканіе новизны и часто конечно просто недостатокъ новыхъ интересныхъ способовъ развлечения, заставляютъ тамъ въ увеселеніяхъ общества переходить отъ одного къ другому и выдумывать такія, которыя повидимому представляютъ мало шансовъ для развлечения. Теперь очень въ модѣ, принятая даже въ самыхъ богатыхъ салонахъ Нью-Йорка, одна игра, которой предаются съ увлеченіемъ; это—“игра въ мыльные пузыри.” Мужчины и дамы въ полныхъ бальнихъ туалетахъ и выдуваютъ въ соломинки мыльные пузыри, какъ и изображено на нашемъ рисункѣ. Кто выдуетъ пузырь красивѣе и больше другихъ, тотъ получаетъ награду очень приятную въ видѣ подарка, розы въ петлицу отъ лица, которымъ интересуется. Устраиваются залы на лучшіе пузыри и въ каждомъ кружкѣ тотчасъ избираются нѣсколько экспертовъ для опредѣленія достоинства пузырей. Все это разумѣется только предлогъ для собраній—это сближаетъ молодыхъ людей, которые проводятъ время очень весело.

Болѣзни дикихъ животныхъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели—говорить профессоръ Жанъ-Виленъ—утверждали, будто, находясь на свободѣ, дикие звѣри не подвергаются никакимъ заболѣваніямъ, но что послѣднія становятся и ихъ удѣломъ лишь въ плѣну у людей. Мы отлично извѣстно, что это заблужденіе, и можно доказать даже, что дикия животныя, попавшія въ неволю, еще менѣе подвержены болѣзнямъ сравнительно съ гуляющими на свободѣ.

Во время пребыванія своего въ Алжирѣ, въ качествѣ полеваго хирурга, я вскрылъ около пятидесяти труповъ львовъ. Легкія двадцати изъ нихъ оказались въ нездоровомъ состояніи, на половину разрушенными, что показывало распространенность чахотки между львами Сахары и Сагэли (Sahel).

Съ 1869 года умерло въ парижскомъ Jardin des Plantes семь львовъ. Всѣ они здѣсь-же и родились. Вскрывъ, я нашелъ легкія у всѣхъ ихъ вполнѣ здоровыми. Откуда такая разница? Они правильно получали пищу и охранялись противъ сурої погоды, въ то время какъ африканскіе львы, гуляющіе на свободѣ, по цѣлымъ днямъ остаются безъ пищи, вдыхаютъ песчаный воздухъ пустыни и часто насквозь промочиваются проливными дождями.

Въ Jardin des Plantes есть волкъ изъ Арденъ, пойманный еще шестилѣтнимъ. И вотъ, началъ онъ страдать первоначально сильною кашлемъ, такъ что одно время опасались даже его смерти. Онъ харкаль и плевалъ безпрестанно, оставаясь крайне угрюмымъ и пасмурнымъ. Довольно часто по нѣсколько дней воздерживался онъ отъ пищи. Наконецъ, мы хлороформировали его и изслѣдовали глотку. Онъ былъ найденъ страдающимъ катарромъ слизистыхъ оболочекъ носа въ самой тяжелой формѣ, отъ которого скоро выздоровѣлъ, подвергнутый соответствующему лечению. Девять волковъ, родившихся въ самомъ саду, никогда не обнаруживали, между тѣмъ, ни малѣйшаго признака этой болѣзни.

Г. Жакемаръ, извѣстный индійскій охотникъ, не разъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ тигровъ, харкающихъ кровью и до такой степени ослабѣвающихъ, вслѣдствіе этого, что къ нимъ можно бывать приближаться безнаказанно на нѣсколько футовъ.

Всѣ обезьяны представляютъ собою существа чрезвычайно

нѣжныхъ. Онъ не прожорливы, и постоянно дѣлая много движений, рѣдко страдаютъ какими либо внутренними болѣзнями. Но онъ обладаютъ чрезвычайно слабыми легкими, и вотъ почему многія изъ этихъ интересныхъ животныхъ, привезенные въ Европу, умираютъ отъ перемѣнъ воздуха, діэты, воды. Нѣть болѣе разумнаго животнаго, чѣмъ шимпанзе, представляющая собою по истинѣ удивительное существо. Во время пребыванія въ Берлинѣ, я обѣдалъ однажды въ зоологическомъ саду рядомъ съ хорошенькой шимпанзе. Съ каждымъ блюдомъ она обращалась точь въ точь, какъ человѣкъ, клала сахаръ въ свою чашку, размѣшивала его ложечкой и съ видимымъ наслажденіемъ выпивала. Но глаза ея блестѣли неестественнѣ ярко. Я ощущалъ пульсъ. Онъ былъ 125 разъ. „Она не проживетъ долго“,—сказалъ я хозяину животнаго.

— Почему-же? спросилъ онъ печально.

— Въ чахоткѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Часто кашляетъ, действительно.

Черезъ мѣсяцъ шимпанзе умерла. Лѣвое легкое было у нея уже совершенно разрушено.

Плотоядныя животныя страдаютъ пищеварительными разстройствами лишь тогда, когда питаются дурнымъ мясомъ. Я вскрывалъ трехъ генѣвъ, двухъ въ Парижѣ и одну въ Лондонѣ. Кишки ихъ и желудки оказались въ совершенно здоровомъ состояніи. Но обратное тому представляла собою старая абиссинская генѣа, принадлежавшая одному греку, содержателю звѣринца, который самъ поймалъ животное въ Африкѣ. Продержавъ ее у себя живою около двухъ лѣтъ, онъ спросилъ меня: „зѣрка постоянно рвало, онъ часто ложился на землю и жалобно стоналъ. Что тому за причина?“ Я вскрылъ генѣу. Желудокъ оказался въ ужасномъ состояніи. Онъ весь былъ покрытъ рубцами отъ язвъ.

Собаки весьма прожорливы вообще; дикия же еще болѣе. У насъ, въ Jardin des Plantes есть одна такая, что способна была сѣсть больше иного льва или тигра; за то животное дорого платится за свою прожорливость—оно постоянно страдаетъ сильными завалами и долго не проживетъ.

Лисицы, всегда смышины, проявляютъ это качество и по отношению къ пищѣ. Какой охотникъ нашелъ лисицу погиб-

шено отъ какой либо болѣзни? Зоологи просто любуются вскрытымъ трупомъ лисицы, ибо никогда ничего нездороваго не найдешь въ ея органахъ. Отсюда, лисицы долговѣчны.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, мы получили изъ С. Америки четырехъ буйволовъ. Двое изъ нихъ умерли черезъ три дня по пріѣздѣ. Они были найдены страдавшими цѣлью рядомъ различныхъ болѣзней—несвареніемъ, несовершеннымъ дѣйствиемъ почекъ и жировымъ перерожденіемъ сердца. Два другіе больны до сихъ поръ, а молодой буйволъ, родившійся въ кельнскомъ зоологическомъ саду, представляетъ собою воплощеніе здоровья.

Слонъ выдѣляется изъ всѣхъ животныхъ своей умѣренностью и воздержностью. Онъ есть такъ мало пищи, по количеству,

что удивительно, чѣмъ еще существуетъ только. Правда, онъ умираетъ въ неволѣ преждевременно, но не отъ физическихъ причинъ. Нѣть сомнѣнія въ томъ, что онъ — одно изъ наиболѣе чувствительныхъ животныхъ. Обыда или обманъ глубоко раздражаютъ его всегда. Южно-африканскіе слоны, грубые сравнительно съ возвращенными въ неволѣ, умираютъ отъ diarrhoea или засоренія, какъ утверждаетъ Ле-Пальянъ. Но ихъ ручные собраты свободны отъ заболѣваній, между тѣмъ, и если умираютъ преждевременно, то по обыкновенію по вышеупомянутымъ причинамъ. Султанъ, гордость сада, лучшій слонъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ, былъ не въ состояніи пережить смерть своего пріятеля, милой собачки Жана.

Политическoe обозрѣніе.

Карагеоргевичъ.—Турція.—Австро-Венгрия.—Германія.—Франція.—Англія.

Мы недавно говорили о пребываніи въ Цетинѣ князя Карагеоргевича. Давно уже слышно это имя и, конечно, интересно будетъ читателямъ узнать и то, что этотъ сербскій претендентъ высказываетъ относительно своихъ требованій и надеждъ. Въ Цетинѣ его посѣтилъ корреспондентъ „Пештскаго Ллойда“, которому князь приблизительно сказалъ слѣдующее: „Я—законный наследникъ Сербскаго престола; мой дѣдъ, Георгій Черный, положилъ первое основаніе сербской независимости; онъ освободилъ Сербію отъ турецкаго ига; что же касается Милоша Обреновича, то онъ обязанъ престоломъ только предательству и убийству; сербы изгнали Милоша и возвели на княжескій престолъ родителя моего, Александра; онъ былъ слишкомъ слабъ и простодушенъ, но сербы опомнятся и призовутъ опять мою династію; въ послѣдніе годы, подъ управлениемъ Милана, они испытали цѣлый рядъ катастрофъ въ экономическомъ отношеніи и если цынѣніе порядки будутъ продолжаться долѣе, то страну постигнетъ не только политическое, но и финансовое разореніе; въ настоящее время настроение общественного мнѣнія въ Сербіи неблагопріятно Милану; у него нѣтъ надежной опоры, потому что народъ пришелъ къ убѣждѣнію, что онъ преслѣдуется исключительно своеокрыстными цѣли, тогда какъ интересы отечества пренебрегаются и деньги расходуются на бесполезныя поѣздки; большинство сербскаго народа осталось вѣрнымъ моей династіи и какъ только народу будетъ предоставлено свободно высказать свою волю, онъ призоветъ мою династію къ управлению государствомъ; я не желаю возбудить кровавой революціи, я хочу избѣжать всяко го кровопролитія, но съумѣю возвратить себѣ принадлежащія мнѣ права мирными средствами и легальнымъ путемъ“. Затѣмъ князь сказалъ, что во время послѣдней черногорско-турецкой войны, онъ хотѣлъ предложить свои услуги династіи Нѣгушъ-Петровичей, но друзья отсовѣтывали ему пріѣхать въ Черногорію, чтобы не подавать повода къ недоразумѣніямъ между княжествомъ и Сербіей, и онъ послушался въ интересахъ сербскаго народа. Въ заключеніе Карагеоргевичъ добавилъ, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побывать въ Черногоріи—второмъ отечествѣ Карагеоргевичей, такъ какъ изъ Албаніи ихъ предки перешли прежде всего туда; что ихъ домъ всегда поддерживалъ дружескія отношенія съ домомъ Нѣгушей и что весною онъ предполагаетъ поѣхать въ Россію, но—это зависитъ, пока, отъ политическихъ обстоятельствъ.

Порта обратилась къ европейскимъ державамъ съ ходатайствомъ о приведеніи въ выполненіе нѣкоторыхъ постановленій

Берлинскаго трактата: относительно дани Болгаріи и принятія доли государственного долга Турціи государствами, которымъ она уступила часть своей территории.

Въ Австріи скоро будетъ приступлено къ перевозкѣ вооруженія и снаряженія въ Переышль и другіе галицкіе склады. Въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхстага, русинскій депутатъ Кулаковскій высказалъ жалобы по поводу положенія русиновъ; по его словамъ, недавній процессъ о государственной измѣнѣ доказываетъ, что русины поставлены въ невозможность пользоваться правами, которыхъ предоставлены имъ основными законами государства, и что занятіе наукой преслѣдуется, какъ преступленіе; присвоенная себѣ поляками опека надъ церковною жизнью, вызвала среди русиновъ сильное движение; чтобы спастись отъ гибели, русинская религіозная община должна помышлять о переходѣ къ другой религіи.

Въ Германіи произошла частная перемѣна въ министерствѣ: генералъ Камеке, военный министръ, вышелъ въ отставку, вслѣдствіе того, что недостаточно отстаивалъ въ парламентѣ законопроектъ о пенсіяхъ военно-служащимъ; вместо него назначается командиръ четвертаго армейскаго корпуса, генералъ Блюменталь.

Императоръ Вильгельмъ, въ новомъ своемъ письмѣ къ папѣ, высказываетъ удовольствіе по поводу того, что папа допускаетъ, что обязанность заявлять о назначеніяхъ на духовныя должности не противорѣчитъ основнымъ принципамъ церкви, причемъ императоръ выражаетъ надежду на скорое осуществление примирительныхъ намѣреній папы, которая, прибавимъ отъ себя, не совсѣмъ раздѣляютъ кардиналы Якобини и Ледовитскій,—съ ними папа даже и разошелся по этому вопросу. Въ столкновеніи Германіи съ Даніей относительно сѣвернаго Шлезвига объясняется то обстоятельство, что датчане наводнили эту провинцію, а для избѣжанія упроченія ихъ вліянія, германское правительство и приняло мѣру, т. е. потребовало, чтобы они или вступали въ войска, или выѣзжали, зная, что они предпочутъ уѣзжать.

Жюль Ферри не желаетъ приступать теперь же къ пересмотру французской конституціи, находя это несвоевременнымъ. Законъ противъ принцевъ встрѣченъ, при всѣхъ дворахъ, конечно, несочувственно.

Гладстонъ возвратился въ Англію изъ Канна, гдѣ пробылъ нѣсколько недѣль; въ своей рѣчи онъ высказалъ, что войска королевы выйдутъ изъ Египта только тогда, когда порядокъ тамъ будетъ упроченъ совершенно.

СМѢСЬ.

Французское благотворительное общество въ С.-Петербургѣ, состоящее подъ предсѣдательствомъ французского посланника вице-адмирала Тореса, имѣть цѣлью помогать, по силѣ возможнѣй, бѣднымъ своимъ соотечественникамъ, живущимъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Обладая самыми незначительными средствами, капиталомъ немногимъ больше 100,000 руб., общество это тѣмъ не менѣе оказываетъ существенную помощь деньгами, одеждой, отправляетъ соотечественниковъ на родину, погребаетъ бѣдныхъ и воспитываетъ дѣтей несостоятельныхъ родителей. Кромѣ того оно основало на Васильевскомъ островѣ, въ 13-й линіи, домъ призрѣнія, гдѣ ежегодно находять пріютъ нѣсколько десятковъ человѣкъ бѣдныхъ, въ томъ числѣ и дѣти. Въ 1882 г. въ домѣ призрѣнія общества среднимъ числомъ находилось 36 постоянныхъ пансіонеровъ. Кромѣ того выдано на сторону пособій 179 человѣкамъ. Благотворительное французское общество въ числѣ своихъ членовъ имѣть нѣсколькихъ докторовъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ города, и безвозмездно подающихъ советы бѣднымъ, а также нѣсколько аптекъ обязалось отпускать бесплатно лекарства. Въ какомъ образцомъ порядкѣ находится домъ призрѣнія бѣдныхъ французского общества — видно изъ доклада членовъ благотворительного комитета общества, обозрѣвавшихъ домъ призрѣнія 6-го мая 1882 г. безъ предварительного о томъ оповѣщенія.

Прибыть внезапно, говорится въ докладѣ, не предувѣдомивъ о томъ надзирательницу г-жу Жамбонъ, мы застали нашихъ пансіонеровъ за обѣдомъ. Прежде чѣмъ начать обзоръ, мы могли убѣдиться въ чистотѣ и порядкѣ, заведенномъ въ скромной столовой,

отведенной для здоровыхъ пансіонеровъ и для призрѣваемыхъ дѣтей. Обѣдъ былъ приготовленъ такъ хорошо и вкусно, что намъ оставалось только сожалѣть, что мы не можемъ въ немъ участвовать. И далѣе въ томъ-же докладѣ говорится: осматривая все помѣщеніе, мы вышли оттуда въ восхищеніи отъ царствовавшаго вездѣ порядка. Г-жа Жамбонъ заслуживаетъ самой искренней похвалы за материнское и серьезное отношеніе къ своимъ питомцамъ и обязанностямъ. Эти похвалы тѣмъ болѣе заслужены, что не ожидая нашего посѣщенія, она не могла приготовиться къ нашей встрѣчѣ, и тѣмъ не менѣе все было найдено въ полномъ порядкѣ.

Дѣлами общества завѣдываетъ комитетъ управления общества и общія собранія членовъ общества, происходящія ежегодно въ апрѣлѣ. Самое общество находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

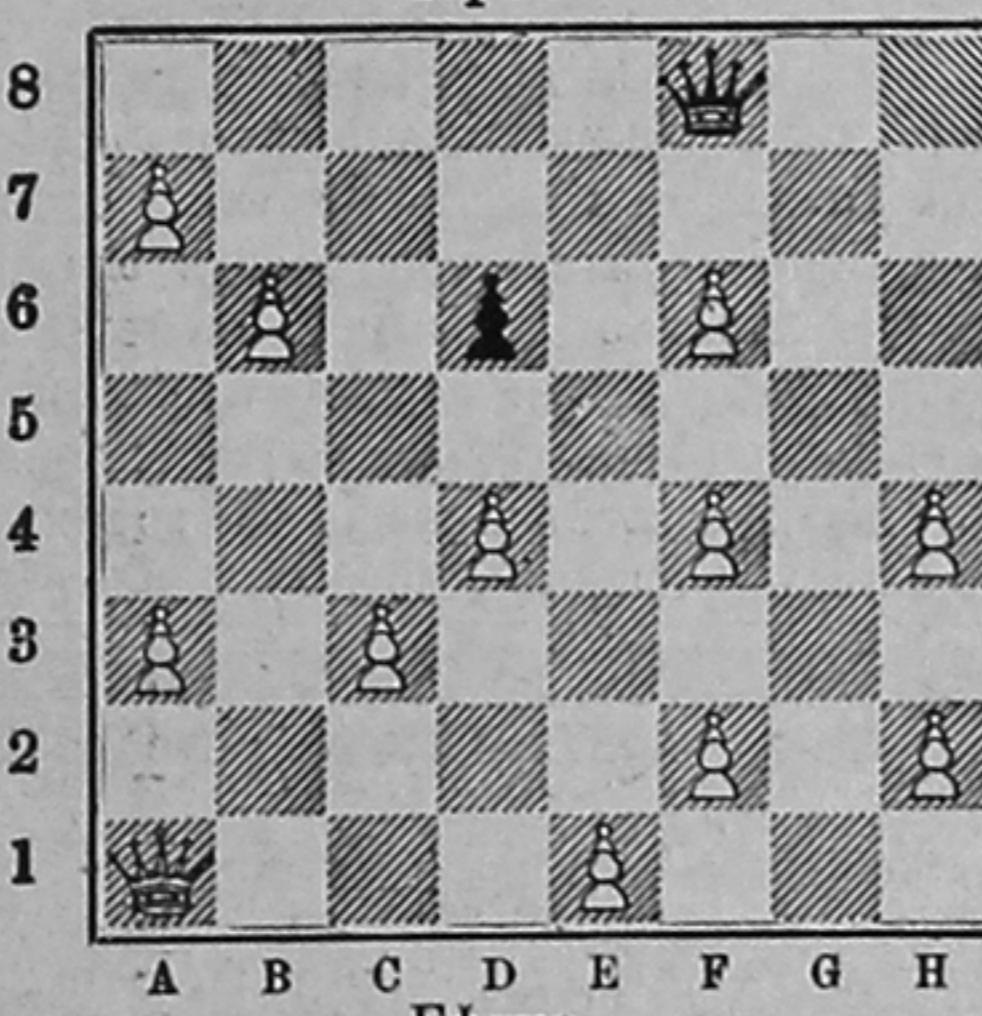
Возрастъ англійскихъ министровъ. „Pall Mall Gazette“ приводитъ интересныя статистическія свѣдѣнія о долговѣчности англійскихъ министровъ и государственныхъ людей. Въ послѣднее время много говорили о бодрости Гладстона, между тѣмъ ему минуло 73 года; лорду Биконс菲尔ду было 75 лѣтъ, когда онъ покинулъ службу; лорду Росселю — 74 года, лорду Эльдону 76 и лорду Пальмерстону — 81 г. Если провести параллель не по возрасту, а по времени отправленія службы, то получится результатъ еще болѣе успокаительный. Гладстонъ состоитъ членомъ кабинета лишь 19 лѣтъ, лордъ Россель былъ имъ 24 года, лордъ Ливерпуль — 25 лѣтъ, а лордъ Пальмерстонъ — 28. Гладстонъ состоитъ первымъ министромъ около 8 лѣтъ, лордъ Пальмерстонъ былъ имъ 9 лѣтъ и 4 мѣсяца, лордъ Ливерпуль почти 15 и Питтъ — 18 лѣтъ.

Искусственное орошение земель на берегахъ Нила. Страна древнихъ фараоновъ облазана, какъ известно, своимъ баснословнымъ плодородiemъ, главнымъ образомъ Нилю, который, во время своего разлития, осаждаетъ на поляхъ плодоносный иль; но весьма существенную роль играетъ въ данномъ случаѣ и искусственное орошение земель на берегахъ Нила. Египетскій крестьянинъ или феллахъ употребляетъ неизвѣтная усилия для доставленія воды своимъ полямъ. Чаще всего употребляются имъ съ этой цѣлью два аппарата, описание которыхъ помѣщается ниже. Болѣе сложный изъ означенныхъ аппаратовъ представляетъ собою гидравлическое колесо, употребляемое въ Верхнемъ Египтѣ почти исключительно въ садахъ, такъ какъ оно требуетъ колодца извѣстной глубины, въ которомъ держалась бы круглый годъ подпочвенная вода. Движущееся вокругъ деревянного горизонтального зубчатое колесо, приводящее въ свою очередь въ движение бесконечный канатъ, который погружается въ воду и къ которому прикреплены на извѣстномъ разстояніи глиняные кружки; онъ наполняются внизу водою и затѣмъ, поднявшись опять наверхъ, выливаютъ ее въ особоустроенный бассейнъ, изъ которого вода стекаетъ по желобамъ на садовые гряды. Надзоръ за этимъ первобытнымъ аппаратомъ можетъ быть предоставленъ даже ребенку. Гораздо проще, но за то сопряжено съ большимъ трудомъ орошение посредствомъ втораго прибора, употребляемаго въ Нижнемъ Египтѣ на всѣхъ поляхъ, прилегающихъ къ водѣ. Онъ представляетъ обыкновенный колодезь, изъ которого вода извлекается посредствомъ бады, повѣшенной на коромыслѣ, къ одному концу которого привѣщенъ тяжелый глиняный шаръ. Вода изъ бады выливается въ оросительный каналъ.

Праздникъ освященія ковра въ Каирѣ. Народный праздникъ торжественнаго освященія ковра, возвратившагося изъ Мекки, праздновался 2-го января съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Весь Каиръ былъ на ногахъ и вся присутственный мѣста были закрыты. Появленіе священнаго ковра привѣтствовалось прежде 21 пушечнымъ выстрѣломъ, на этотъ-же разъ число залповъ было устроено. Въ городѣ была вызвана англійская кавалерія, расположенная лагеремъ въ Гелуанѣ, и стояла шпалерами вмѣстѣ съ пѣхотою и египетскими войсками. Хедивъ и Шерифъ-пашаѣхали въ коляскѣ, запряженной четверкою лошадей. Когда Хедивъ занялъ мѣсто въ устроенной для церемоніи роскошной палатѣ, то по его лѣвой сторонѣ расположился лордъ Дефферинъ, а по правую—сэръ Эдвардъ Маллетъ, оба въ мундирахъ. Роскошная обстановка праздника напоминала о великихъ религіозныхъ праздникахъ въ Индіи, на которыхъ британское правительство имѣетъ обыкновеніе свидѣтельствовать о своемъ уваженіи къ чужимъ религіямъ. Несмотря на громадное стеченіе народа, все совершилось въ полномъ порядкѣ.

Шашечная задача № 11.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и заираютъ шашку черныхъ въ 10 ходовъ.

Столица земли Зулусовъ. Улунди празднууетъ въ настоящее время прибытие владыки Сетивайно, вторичное вѣнчаніе которого или, вѣрище, возстановленіе на престолъ—должно произойти надпяхъ. Владыка былъ очень радушно принятъ своими подданными,—и этому возвращенію къ прежнему порядку дѣлъ оставалось-бы только радоваться, если бы присоединеніе части зулусской територіи къ британскимъ владѣніямъ въ Южной Африкѣ не угрожало, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, серьезными усложненіями.

Начальникъ лондонской пожарной команды, капитанъ Шау, обнародовалъ свой прошлогодній отчетъ, изъ котораго заимствованы слѣдующія цифры: въ теченіи года, въ Лондонѣ было 1,926 пожаровъ, въ томъ числѣ 164—значительныхъ, и 4,237 разъ выкинуло изъ трубъ. Несчастные случаи съ людьми имѣли мѣсто на 34 пожарахъ. Болѣе или менѣе тяжкія раны получили при этомъ 296 человѣкъ, изъ нихъ 121 пожарный; умерло отъ ранъ 39, изъ нихъ 8 пожарныхъ.

Задача—ходъ коня № 14.

Задача № 12.

а	а	а	л
л	л	л	о
о	и	и	и
т	т	у	я

прочь на

даждъ	же	ту	пе
тѣ	нишъ	нув	дѣнь
бы	объ	накъ	я

Задача № 13.

а	а	а	а
е	л	л	м
м	о	о	р
р	ф	ц	я

все	го	ші	я	ма	ви	ко	еъ
жизнь	лыхъ	не	пу	что	чи		
ку	ни	ду	я	ся	ле	па	бредъ
о	меж	мо	тотъ	те	ю	накъ	сят
сталь	ску	за	шест	мно	род	что	а
какъ	ло	вен	дымъ	ныхъ	ю	ло	гиб
чуж	му	и	чѣмъ	рож	предъ	что	ми
ни	ник	ный	ты	же	лодъ	нетъ	тво
я	но	не	из	ден	ихъ	жа	ють
заб	мѣ	ный	для	мо	о	цвѣтъ	жи
смѣш	заб	не	чи	и	вновь	куд	лѣ
вен	ясь	вень	ихъ	ихъ	ю	го	ветъ
при	у	чер	вре	я		жиз	
смѣ	ки	мя	я	зна	ты,	о	му
нуть	встрѣ	ду	бѣ	вол	ра	ты	всё
ши	по	жалъ	чѣ	отъ	те	но	дост

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г.

№№ „НИВЫ“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-ІЙ СТРАНИЦѢ.

О ПЕРЕМЪНЬ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подпісчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

100 цвѣтующихъ георгинъ

Желающіе имѣть, могутъ получить за 1 р. 100 зерн. георгинъ новѣйш. сор.; 6 сор. сѣмянъ розъ 1 р.; 10 сор. сѣмянъ лилій 1 р. 50 к.; 20 сор. сѣмянъ цвѣточ. растеній, зи-мующихъ въ грунтѣ, 1 р.; 12 с. душистыхъ 60 к.; 12 с. иммортелей 50 к.; 100 сор. разныхъ 3 р.; 12 с. комнатныхъ 1 р.; 6 с. пальмъ 1 р.; 6 с. камелій 1 р. 50 к.; 6 с. драценъ 1 р. 50 к.; 6 с. кактусовъ 1 р. 50 к.; пересылка бесплатно, требование менѣе 3 р. не принимаются, полуколлекціи не отпускаются; при сѣмянахъ прилагается полнѣйшій въ Россіи каталогъ огорода, и цвѣточ. сѣмянъ болѣе 3000 сор., цѣны въ которомъ, въ сложности, дешевле всѣхъ фирмъ въ Россіи. Адресъ: Саратовъ. Приволжское депо сѣмянъ. № 2520

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волинского, Невский, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

Съ 1-го января 1883 года, книгопродавецъ-издатель Маврій Осиповичъ Вольфъ передалъ всѣ свои дѣла имъ учрежденному и Высочайше утвержденному товариществу подъ названіемъ:

Промышленное и торговое Товарищество М. О. Вольфъ

Товарищество М. О. Вольфъ, утративъ внезапно одного изъ дѣятельнейшихъ своихъ участниковъ, Маріїнія Осиповича Вольфа, и соболѣзнуя обѣ утратѣ, доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что вся издательская дѣятельность, равно какъ книжные магазины въ Петербургѣ (Гостиный дворъ, №№ 17 и 18) и въ Москвѣ (Петровка, домъ Михалкова) продолжаютъ свои дѣйствія безостановочно.

№ 2517 2-2 Директоры: О. Л. Вольфъ, С. И. Канурина, Л. Э. Вольфъ.

Вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣлѣніи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТАХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе рассказовъ:

1) Дяденька.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразиномъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвицамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Королевская Вюртембергская Академія сельскаго хозяйства Hohenheim.

Лѣтній семестръ начинается съ понедѣльника 2-го апрѣля с. г. Объявленія, указы, табели лекцій и программы занятій разсыпаются по требованіямъ безвозмездно.

Гогенгеймъ. Январь 1883 г. Дирекція Королевской Академіи.

Д. № 2481 2-2 За директора профессоръ д-ръ Е. Вольфъ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

съ разрешеніемъ С.-Петербургской Врачебной управы

АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

ФЕНОЛЬ

для очищенія воздуха въ комнатахъ, устраненія заразы и гнили. флак. 50 коп.

КАРБОЛОВЫЙ УКСУСЪ

для туалета и куренія въ комнатахъ. фл. 45 и 75 коп.

КАРБОЛОВЫЙ И САЛИЦИЛОВЫЙ ЗУБНЫЙ СРЕДСТВА.

КАРБОЛОВ. и САЛИЦИЛОВ. МЫЛО.—КАРБОЛОВ. ПОРОШОКъ и ЖИДК. по 30 коп.

ЖИДКОСТЬ БЕЗЪ ЗАПАХА (энтрактъ)

для уничт. зловонія и міазімъ въ разныхъ сосудахъ, помойныхъ ямахъ и проч. 40 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявши названія фирмъ, близко подоходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и коницующіе наружный видъ произведенія ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точности фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкова моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора и оптовый складъ: по Измайловскому пр., въ собств. домѣ, № 21.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя съ вывескою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежать.

Д. № 2274 3-3

СОДЕРЖАНИЕ: А. О. Шарлемань (съ портр.)—На морскомъ берегу. П. П. Гнѣдича. (Продолженіе).—Донъ-Педро Кастильскій. Историческій разсказъ Э. Шпильмана.—Мода въ безобразіи. Очеркъ Н. Д.—Агасееръ (Вѣчный Жидъ) (съ рис.).—Литературный альбомъ. Бояринъ Орша. М. Ю. Лермонтова (съ рис.).—Медвѣжья охота, картина Перова (съ рис.).—Ледяной домъ въ Монреалѣ (съ рис.).—Визиты къ молодой матери (съ рис.).—Игра въ мыльные пузыри въ Америкѣ (съ рис.).—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Шашечная задача.—Задача—ходь коня.—О подпискѣ на „Ниву“.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1883 г. съ 18 рис. и отдельнымъ листомъ съ 25 выкройками въ натуральную величину и рисунками выпильныхъ, ажурныхъ работъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОЭМА Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикѣ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкой въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

Г. ТИЛЕ,

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56, противъ памятника Екатерины II.

Универсальный складъ швейныхъ, вышивальныхъ и чулочныхъ машинъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1871 ГОДУ.

Рекомендуетъ машины Зингеръ съ петельнымъ аппаратомъ, самодѣйствующими спульками и всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Доминія, машина будущаго, работающая весьма легко, безъ всякаго шума, рекомендуется слабымъ и первымъ особамъ. Чатентъ ТИЛЕ, ручная машина, самая простая и прочная, которой только существуетъ. Кроме того самый обширный складъ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ: для сапожниковъ, портныхъ, сѣдельщиковъ, каретниковъ, мѣщанскихъ и каретныхъ фабрикъ, перчаточниковъ, скорняковъ и пр. Машины швящія черезъ край, а также настоящей смоляной дратвой. Большой выборъ лучшаго материала: шелка, нитокъ, масла и т. д. Иголки для всѣхъ существующихъ системъ знаменитыхъ фирмъ. Американские утюги Леона Ламмертца. Машины для складыванія плиссъ и плойки.

Приемъ чаніе. Каждая машина провѣряется въ моей механической мастерской и продается съ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ. Гг. иногороднимъ: всѣ ножны машины—4 пуда, а ручной—1 пудъ, почтовыя издержки 10 коп. съ фунта. За провозъ по желѣзной дорогѣ можно уплатить на мѣстѣ назначенія.

Р. № 2519 2-1

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

иллюстрированный журналъ для дѣтей и семейного чтенія.

Состоящий подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и одобренный всѣми Учеными Комитетами, издается въ 1883 году по программѣ прежнихъ лѣтъ, съ приложеніями, преміей и наградами подписчикамъ, рѣшившимъ определенное редакцію количество задачъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Оба отдѣла (24 кн.) 10 р., съ перес. 11 руб. Каждый отдѣль порознь (12 кн.) 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ редакціи журнала „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“, С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 14, кв. № 9.

Редакторъ-Издательница С. КАШПИРЕВА.

ВЫШЛА МАРТОВСКАЯ КНИЖКА СОБРАНИЯ РОМАНОВЪ.“

СОДЕРЖАНИЕ: Искушеніе мистрисъ Ревнѣ, романъ мистрисъ Генри Удъ, законченный.

Въ январской книжкѣ помѣщено: Доказательство нѣть и Школа Робинзоновъ, Жюля Верна. Въ февральской: Филлида, Флоренсъ Марьетъ. Исторія безъ названія. Ея ли дитя. Исторія съ привидѣніями.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣнадцать рублей. Тринадцатая книга премія прилагается бесплатно къ декабрской книжкѣ для подписчиковъ, уплатившихъ сполна за весь годъ.

Подписка принимается исключительно на имя Елизаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербурге. Редакція высылаетъ бесплатно каталогъ съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ „Собрания Романовъ“, продающихся по уменьшеннѣй цѣнѣ.

№ 2516

Въ главныхъ магазинахъ поступила въ продажу новый элементарный учебникъ французского языка, составл. Фену и Лefrancois (пособие къ картикамъ „Изъ русской жизни и природы“)

PREMIÈRES LEÇONS

DE CONVERSATION DE LECTURE ET D'ÉCRITURE

a l'usage des familles et des écoles russes

par N. Fenoult et I. Lefrançois.

Ч. I-я книга для учащихъ (Partie du maître). Ч. 75 к., съ перес. 85 к.

Ч. II-я книга для учащихся (Partie de l'élève). Ч. 85 к., съ перес. 95 к.

10 картинъ „Изъ русской жизни и природы“.

Большія хромолитографіи, исполненные по акварелямъ лучшихъ русскихъ художниковъ. Цѣна съ объяснительнымъ текстомъ 2 р. 50 коп.; цѣна всей коллекціи 20 руб.

Прѣсѣ-курантъ высылается бесплатно.

Къ этимъ картинамъ изданъ: Сборникъ статей, стихотвореній, басенъ и поговорокъ, составл. А. и П. Кореневыми. Цѣна за вып. 20 и 25 к.; всѣ 10—1 р. 50 к. Всѣ выпуски собраны въ одну книгу подъ заглавиемъ „Жизнь и природа въ родной странѣ“, ч. 1 р. 50 к.

Главный складъ у издавателей, Н. ФЕНУ и К°, СПБ., Невскій пр., д. Армянск. церкви.

М. № 2515

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежний ихъ цветъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 руб.; для удобства: жидккая и густая помада, по полфлакону цѣна 8½ руб., пересылка 1½ руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваю волосы, не линяютъ, въ черный цв. цѣна 3 руб., перес. по 1 рублю. Героховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой.

№ 2510

КЪ СВѢДѢНІЮ

Гг. Капиталистовъ, предпринимателей, любителей воздухоплаванія, промышленниковъ, изобрѣтателей, инженеровъ, стратеговъ, моряковъ, кораблемохозяевъ, устроителей торжествъ съ воздушными приспособленіями.

Лица, желающія воспользоваться случаемъ участвовать въ постройкѣ, нынѣ дѣятельно производящейся на Охтенской адмиралтейской верфи, воздушного корабля „Россія“, приглашаются въ самомъ непролongительномъ времени заявлять объ этомъ изобрѣтателю и строителю Костовичу, гдѣ они могутъ получать самыя основательныя свѣдѣнія по этому дѣлу, равно какъ и очевидныя доказательства полной солидности предприятия. Стоимость каждого вклада 600 р. сер., вносимыхъ или присылаемыхъ прямо въ Техническую Строительную Контору Костовича, или же на текущій счетъ Костовича, для постройки воздушного корабля „Россія“, въ СПб. Международный Коммерческий Банкъ *), въ честь Конторы Костовича или Банкомъ будетъ выдана или выслана соотвѣтственная квитанція. Для удобства ознакомленія гг. иногородныхъ съ сущностью предпріятія, можно указать на статьи объ этомъ въ слѣдующихъ журналахъ и газетахъ: 1) Воздухоплаватель № 4-й—1879 г. 2) Воздухоплаватель № 14—12 ноября 1880 г. 3) Industrie Zeitung, St.-Petersburger Herold № 49 — 3 Decem-beer 1880. 4)

Воздухоплаватель № 16—1 ливня 1881 года. 5) Industrie Zeitung, St.-Petersburger Herold № 2—14 Januar 1881. 6) Биржевые Вѣдомости № 126—25 февраля 1881 г. 7) Биржевые Вѣдомости № 130—6 марта 1881 г. 8) St. Petersburger Herold № 302 29 October 1881. 9) St. Petersburger Herold № 13—13 Januar 1882. 10) Правительственный Вѣстник № 56—14 марта 1882 г. 11) Новое Время № 2170 —14 марта 1882 г. 12) Новости—14 марта 1882 г. 13) Петербургская Газета № 62—14 марта 1882 г. 14) St. Petersburger Zeitung № 73 —14 Mrz 1882. 15) St. Petersburger Herold № 73—14 Mrz 1882. 16) Московскія Вѣдомости № 112—24 апреля 1882 г. 17) Всемірная Иллюстрація № 697—15 мая 1882 г. 18) Нива № 22—29 мая 1882 г. 19) Огонекъ № 22 и 24-й 1882 г. 20) St. Petersburger Herold № 149 —29 Mai 1882. 21) St. Petersburger Zeitung № 150—30 Mai 1882. 22) St. Petersburger Herold № 237—25 August 1882 г. 23) Всеобщій календарь Гопие на 1883 годъ. 24) Нива № 6—6-го Февраля 1883 г. и проч. Къ этому считаемъ долгомъ прибавить вѣсколько разъясненій касательно выгодъ предпріятія. Не говоря уже заранѣе о случаѣ *полнѣйшей удачи*, въ чёмъ, естественно, постороннія лица не могутъ быть такъ сильно убѣждены, какъ люди, близко знакомые съ этимъ изобрѣтеніемъ, и въ каковомъ случаѣ трудно даже вообразить себѣ громадный размѣръ нравственныхъ и материальныхъ выгодъ,—можно полагать вполнѣ достаточнымъ одно уже указаніе на то обстоятельство, что *даже въ случаѣ неудачи*, воздушный корабль „Россія“ можетъ быть легко передѣланъ не только въ обыкновенный шаръ, но даже въ „Ballon Capitif“ съ громадной подъемной силой, подобно Жифаровскому, стоявшему Парижской компании въ 1878 г. два съ половиною миллиона франковъ и выручившему болѣе десяти миллионовъ въ теченіи года. При этомъ можно указать на громадность дохода и даже обыкновенныхъ увеселительныхъ шаровъ, какъ напр. Годара и прочихъ, выручавшихъ всегда значительныя суммы.

Имѣя, между прочимъ, въ виду, что изготавленіемъ всякихъ воздухоплавательныхъ приборовъ у насъ весьма часто занимаются люди не только безъ основательной къ тому специальной подготовки, но даже нѣрѣко и безъ всякихъ техническихъ знаній (чѣмъ объясняется мно-

жество опасныхъ неудачъ), тогда какъ техническая строительная контора Костовича располагаетъ по этому дѣлу новѣйшими научными свѣдѣніями и, наконецъ, самостоятельно выработанными способами и производственными секретами, достигнутыми путемъ долголѣтнихъ практическихъ изслѣдований, стоившихъ очень большихъ затратъ,—въ виду всего этого и для *обоюдного* извлечения пользы изъ пріобрѣтенныхъ уже результатовъ, хотя оставшихся лишними въ дѣлѣ постройки воздушного корабля „Россія“, но крайне полезныхъ вообще въ аэронавтике, теперь въ Технической и Строительной Конторѣ, мастер-

скихъ и лабораторіяхъ Костовича будутъ исполняться заказы на воздухоплавательные приборы вслѣдствія города. Дѣлаются шары и для военныхъ бомбардировочныхъ цѣлей, равно какъ и небольшие, въ 10 минутъ наполняемые корабельные спасательные аппараты съ шарами, употребляемыми для совершенно надежного соединенія съ берегомъ погибающего корабля во времена бурного прибоя. Употребляемая для этого спасательная ра-

кеты далеко не всегда достигаютъ цѣли; при томъ они зависятъ не отъ воли погибающихъ, а отъ удачнаго прицѣла ракеты береговыми стражниками во время бури. Къ услугамъ частнаго употребленія дѣлаются шары съ самыми новѣйшими улучшеніями, для совершенно безопасныхъ полетовъ, а также шары, могущіе любое число разъ свободно подниматься и опускаться по волѣ путешественника, не выбрасывая для этой цѣли балласта и не выпуская газа, также безъ всякой опасности. Еще устраиваются всевозможныхъ сортовъ и величинъ шары для различныхъ воздушныхъ приспособленій во время торжественныхъ празднествъ всякаго рода. Наконецъ, приготовляются особые шары для подъема затонувшихъ цѣнныхъ предметовъ даже съ большой глубины. (Вообще, подъемъ кораблей помошью разныхъ испытанныхъ способовъ, а также всякия подводныя работы съ строгимъ ручательствомъ удачи, исполняются конторой г. Костовича, уже поднявшаго изъ воды семь большихъ кораблей съ значительныхъ глубинъ).

Кромѣ всего этого, принимаются для совѣщаній лица, прямо или косвенно заинтересованныя какими бы то ни было техническими вопросами; а также Техническая и Строительная Контора принимаетъ на себя всестороннюю административно техническо-хозяйственную разработку и конструировку новыхъ техническихъ проектовъ, предпріятій (*discretion garantitur*); притомъ, ради возможно болѣе широкихъ удобствъ сношенія съ производителями матеріаловъ, контора не отказывается и отъ агентуры всевозможныхъ техническихъ предметовъ, равно беретъ на себя представительство корабельныхъ верфей и машинныхъ фабрикъ, обладая лестнымъ довѣріемъ извѣстныхъ фирмъ. Располагая, кромѣ свѣдѣній о современномъ состояніи общетехническихъ новѣйшихъ конструкцій, еще и многими производственными способами и политехническими секретами, лично выработанными г. Костовичемъ, авторомъ шестнадцати капитальныхъ изобрѣтений, примѣненныхъ къ дѣлу здѣсь и заграницей, и имѣя по всемъ отраслямъ техники инженеровъ-специалистовъ въ качествѣ сотрудниковъ и помощниковъ, Техническая и Строительная Контора Костовича имѣетъ возможность производить всѣ вышесказанныя работы согласно съ новѣйшими, самыми изысканными требованиями. Пріемъ лицъ, исключая праздниковъ, ежедневно отъ 2 до 3 ч. попол., въ кв. г. Костовича, въ Спб., на Пескахъ (у Смольного монастыря), по Охтенскому просп., д. № 21. По этому же адресу слѣдуетъ адресовать и письма.

* Гдѣ уже сосредоточилась значительная сумма для этой цѣли.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ**Н. П. ЛАНИНА,**

въ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Все-российской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,
неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ.

по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут.

(прямъ съ фабрики).

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи.
№ 2435 10—5

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА.

косметические спермацетовые личные

УТИРАЛЬНИКИ**КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.**

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употр. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, где особенно лицо подвержено влажнію пыли и вѣтра; зимою они необходимы противъ накожныхъ трещинъ, которыя происходятъ отъ холода; также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупр. поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ подпись "А. Энглундъ", крас. черн.—Пачка 60 к., съ перес. не менѣе 2 пач. 2 р.; 4 пач. съ перес. 3 р.—Получить можно въ "Русск. Обществѣ торг. аптек. товар." Казанская ул., д. 12, А. Рузалова; въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линии, № 40 и во всѣхъ аптекарскихъ и парф. торговляхъ. Главный складъ для всей Россіи—С.-Петербургъ, А. Энглундъ, Малая Итальянская ул., д. № 3, кв. № 19. № 2512 1—1

Для коронаціи

заблаговременно приготовляютъ и принимаютъ заказы на мундиры съ золотымъ шитьемъ и лампасомъ.

Губернского предводителя дворянства 95 р., уѣздного предводителя 75 р., представителя губернскихъ земскихъ управъ 80 р., общедворянскій 70 р., брюки бѣлыя каммергера 35 р., черные 28 р. и 12 р., жилетъ бѣлый 12 р., черный 7 р., общегражданскія форменная шинель и пальто 55 р. и 80 р., шапка трехъугольная 10 р., шпага 8 р.

Иногороднымъ высылаются по требованію рисунки, со способомъ снятія мѣрки.

Пруссій магазинъ, Невскій проспектъ, д. Казанского Собора, № 25. С.-Петербургъ. № 2511 1—1

! ГИМНАЗИСТАМЪ !

за 5 почтовыхъ марокъ (по 7 коп.) немедленно высылаю во всѣ города Россіи:

КРОШЕЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАСЪ, состоящий изъ 23 раскрашенныхъ географическихъ картъ, въ изящномъ переплѣтѣ. Тамъ же продаются интересный подарокъ для дѣтей и взрослыхъ—игра Добчинскій и Бобчинскій, въ которой также фигурируютъ: Хлестаковъ, Ноздревъ, Собакевичъ, Штухъ, Плюшкинъ, Чичиковъ и Коробочка. При игрѣ прилагается премія и объясненія на Русск., Франц. и Нѣмецк. яз. Цена съ пересыпкой 2 р. 75 к. Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требования: Б. И. Шайкевичу, Коломенская, д. № 1, кв. 27, С.-Петербургъ, а также и во всѣ магазины игруш. СПБ.—гаги Москвы. № 2502

Издание А. Ф. Маркса.

Спб. Большая Морская, д. № 9. **КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ**, историч. повѣсть Вс. С. Соловьева. Сюжетъ замѣтвованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляеть большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова, изъ которыхъ выше помѣщеній одинъ рисунокъ даётъ понятіе объ ихъ достоинствѣ. Цена 2 р., съ пересыпкой 2 р. 30 к., для подписч. "Нивы" 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

"ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА".

№ 2454 Соч. Проф. Габріели. Ц. 90 к.

6—6

20, квар. № 7.

№ 2498 3—2

5—5

20, квар. № 7.

№ 2498 3—2

5—5